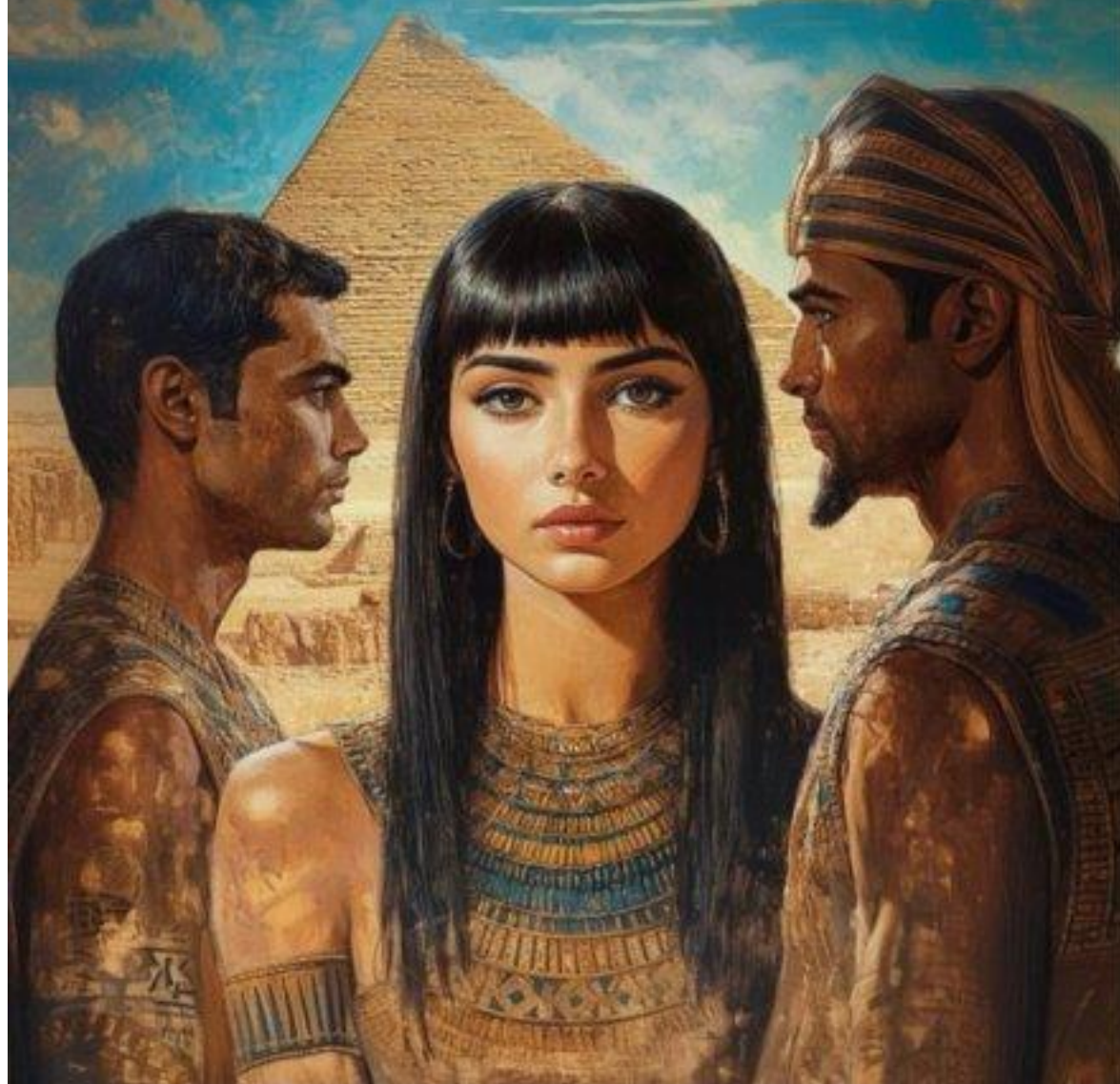

ЛОРА БЕКИТТ

ЗНАК ФАРАОНА

Лора Бекитт

Знак фараона

«Литнет»

2025

Бекитт Л.

Знак фараона / Л. Бекитт — «Литнет», 2025

Дочь писца Тия влюбляется в нищего юношу с нильских болот, из народа, презираемого состоятельными знатными людьми. Но не все так просто, потому что Тамит найденыйш и его приемный отец хранит некую тайну. Но еще до того, как она будет раскрыта, влюбленным не раз предстоит сделать выбор между жертвенностью и безрассудной любовью, бесстрашием и покорностью судьбе. Тем более отец хочет выдать Тию замуж за нелюбимого человека, строителя гробниц архитектора Мериба. А свобода и жизнь ее избранника Тамита под угрозой. События романа разворачиваются в Древнем Египте, одной из самых загадочных мировых цивилизаций, в эпоху правления фараонов Сети I и Рамсеса II.

© Бекитт Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвертая	17
Глава пятая	22
Глава шестая	25
Глава седьмая	28
Глава восьмая	31
Глава девятая	35
Глава десятая	40
Глава одиннадцатая	43
Глава двенадцатая	48
Глава тринадцатая	54
Глава четырнадцатая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Пролог

Будущее каждого из смертных начертано на небесах еще до его рождения, и никто не в силах повлиять на судьбу. Сегодня жизнь — россыпь драгоценных камней, а завтра — горсть пепла на ладони. Можно вымаливать у богов золотой слиток, а они посмеются и положат в протянутую руку придорожный камень.

Осунувшаяся, заплаканная молодая женщина лежала на соломе в глинобитном домишке на берегу Нила, куда она сбежала из роскошного особняка, расположенного в центре величественных Фив. Услышав жалобный крик ребенка, дошесшийся из большой тростниковой корзины, женщина встrepенулась, протянула тонкую руку и позвала:

— Мути!

Служанка приблизилась.

— Да, госпожа Уна.

— Пора, — с неожиданной суровостью произнесла та. — Возьми его и тайком вынеси из дома. Спустись к Нилу, положи мальчика в лодку и оттолкни ее от берега.

Комната наполнилась тяжелым молчанием.

— У меня нет другого выхода! — Голос Уны срывался. — Интеб вернется через несколько дней!

— Мне кажется, — робко промолвила Мути, — он сумеет вас понять.

— Кто знает, что он решит! Я не смею причинить ему боль. Я должна родить мужу *его* ребенка. А этого мальчика он никогда не увидит и не узнает о его существовании.

— Не оставить ли при ребенке какую-нибудь вещь? — прошептала служанка. — Ту, что поможет вам узнать вашего сына, если вы когда-нибудь встретитесь.

Уна отчаянно замотала головой.

— Нет, не хочу! Надеюсь, я сумею его забыть.

— Не думаю, госпожа, что вам удастся это сделать, — пробормотала Мути.

— Ступай, — Уна устало опустила веки, — я хочу заснуть. А когда я проснусь, начнется другая жизнь.

Глава первая

— Все обратится в прах: люди, дома, города. Вместе с тем они останутся в веках, ибо память о них сохраняют письмена, — так говорил отец, и Тия свято верила в его слова.

Девочке казалось, что он владеет тайной мудростью, недоступной другим людям, хотя на самом деле писец Анхор был одним из многих тысяч чиновников огромного государства, которым правил фараон Сети[1].

Первые десять лет своей жизни Тия провела в Фивах, священной столице Кемет[2]. На одиннадцатом году ее отца перевели на службу в один из дальних номов[3], название которого — ном Черного быка — ничего не говорило ни Анхору, ни членам его семьи.

Тогда Тия не задавалась вопросом, почему им пришлось переехать, а потом ей не хотелось думать, будто новое назначение отца связано с какой-то провинностью. Они уложили необходимые вещи, продали дом вместе с обстановкой и осторожно сели в хрупкую на первый взгляд, а на самом деле достаточно прочную папирусную лодку.

Женщины испуганно охали, притихшие дети сидели смирно, и только Тия с любопытством крутила головой по сторонам. Поверхность воды была покрыта пышно разросшимися водорослями и переливалась всеми оттенками зеленого и голубого. По берегам Нила высился гигантский папирус, заросли которого напоминали таинственный лес. Юная путешественница закрывала глаза и наслаждалась лаской солнечных лучей, которые, проникая сквозь веки, рассеивали внутреннюю тьму. Она думала о славной и богатой стране, потерянной для человека в те времена, когда боги еще ступали по земле, и которую можно обрести на недостижимом солнце.

Однажды девочка спросила у отца, способен ли кто-либо отыскать невидимую лестницу, которая ведет туда, где обитают предки людей.

— Когда-нибудь мы все ее найдем, — загадочно ответил тот.

Тия была дочерью жены Анхора, Небет, старшим ребенком в семье. Шестилетний Тимес также был сыном ее матери, а двух других мальчиков, четырех и двух лет, родила Харуя — наложница отца. Семья жила дружно; женщины уважали своего господина и ладили между собой. Младшая по положению и по возрасту Харуя подчинялась Небет и старалась выполнять все ее приказания.

Они прибыли в столицу нома, город Эффе, в час, когда священная лодка великого Ра[4] успела проплыть по небу навстречу гряде западных гор и скрыться в таинственной ночной гавани. Ступив на берег, Тия не смогла разглядеть ничего, кроме кучки домов и нескольких деревьев. Позади тревожно шумела река. Прохладный ветер дул в спину и проникал под легкое платье.

Девочка чувствовала себя неуютно во тьме, ибо, как всякая египтянка, любила тепло, свет и яркие краски, за исключением красной, которой обычно пишут имена недобрых людей[5].

Женщины подавленно молчали. Анхор старался сохранить невозмутимость, но Тия чувствовала, что отец нервничает: он не знал, что его ждет в незнакомом городе, среди чужих людей. Кругом было пусто и тихо — их никто не встречал и не ждал.

— Мне сказали, что нам позволят поселиться в доме одного из писцов, который недавно покинул Эффе, — ободряюще произнес Анхор.

Тия не помнила, как им удалось отыскать особняк; к тому времени как они вошли в полные чужого запаха темные комнаты, она настолько измучилась и устала, что была готова заснуть где угодно, хоть на твердой и пыльной земле. Младшие братья капризничали, мать и Харуя торопливо, вполголоса успокаивали их. Тия добралась до жесткой кровати, легла не раздевшись и мгновенно провалилась в сон.

Она открыла глаза ранним утром, когда все еще спали. По полу скользили узкие, как лезвие кинжала, полосы солнечного света; поднимавшиеся вверх тонкие столбики пыли казались золотыми. Девочка осторожно встала и на цыпочках добралась до выхода, с любопытством разглядывая оставшуюся от прежних хозяев, в беспорядке расставленную старую мебель, выцветшие циновки на окнах. В доме было пять просторных комнат, помещения для слуг, пекарня и кухня.

В саду, окруженном стеной из коричневого кирпича, росли смоковницы, гранаты, персики и фиги; маленькая беседка утопала в зелени. По обеим сторонам главной дорожки тянулся виноградник. Лозы, словно изумрудные змеи, вьющиеся по поперечинам и шестам, образовывали тенистый свод; прямо над головой висели тяжелые гроздья темно-синих ягод.

Заметив приставную лестницу, Тия ловко вскарабкалась на стену и выглянула наружу. Городок был маленький и бедный. Вдали виднелись пересеченные оросительными каналами поля и редкие кучки пальм. Стена известняков, возвышавшихся на горизонте, заставляла теряться в догадках: что за ними скрывается, есть ли на свете другие земли и страны?

Тия долго сидела бы на стене, размышляя и мечтая, если бы не услышала голос Небет. Женщины суестились, занимаясь приготовлением завтрака и разбирая вещи. Тия вернулась в дом и принялась помогать матери и Харуе.

Прошло несколько дней. В доме появилась новая мебель. Анхор нанял слуг и приступил к выполнению своих обязанностей. Мать и Харуя, поглощенные вечными женскими заботами, быстро привыкли к новой обстановке и не скучали по Фивам. Иное дело отец. Зачастую Анхор сидел с папирусом на коленях, но ничего не писал; его взгляд был устремлен в невидимую даль. Глядя на отца, Тия догадывалась, что мысленно он пребывает в том городе, где возвышаются грандиозные здания, горящие золотом обелиски, на флагштоках развеваются яркие флаги, а улицы наводнены торжественными процессиями. Лишенный всего этого, он поневоле ощущал себя выброшенным из жизни.

Девочка чувствовала, что в душе Анхора образовалась черная дыра, которая ширится и растет, и отец не знает, как и чем ее заделать. Он догадывался о том, что навсегда простился с величественным городом, средоточием божественного могущества и неземной красоты, и не мог с этим смириться.

Тия тоже ощущала себя одинокой. В Фивах у нее не было недостатка в общении со сверстниками, тогда как здешние ребята не желали с ней играть. Неподалеку от ее дома часто собиралась ватага детей, мальчиков и девочек от шести до двенадцати лет. Они играли в разные игры и очень весело проводили время. Забравшись на стену сада, Тия наблюдала за ними и мечтала разделить их забавы.

Стоило ей появиться на улице, как дети останавливались и начинали на нее глазеть, а если девочка пыталась приблизиться, убегали или продолжали свои занятия, делая вид, что не замечают незнакомку. Сначала Тия не понимала, в чем дело, а потом начала догадываться. Ее отец являлся в дома родителей некоторых из этих ребят в сопровождении вооруженных палками воинов и без всякой жалости взимал с них налог. Не помогали ни слезы, ни мольбы. Каким бы скудным ни оказывался урожай, было бесполезно говорить, что зерна нет. С несчастных срывали одежду, избивали, бросали в пыль, оскорбляли и унижали.

Тия не знала, обижаться ей, огорчаться или негодовать. Она решила поговорить об этом с матерью и получила резкий ответ:

— Твой отец занимает высокую должность, поэтому ты не должна знаться с крестьянами. Это низкие люди.

— С кем мне дружить? — удрученно произнесла девочка.

— С братьями, — сказала мать.

— Они мальчишки, а мне нужна подруга, — возразила Тия и, осмелев, добавила: — Этот город кажется мне чужим. Засыпая, я с тревогой думаю о том, что будет завтра. В Фивах такого не было.

— Твое будущее не таит в себе ничего загадочного. Веди себя хорошо, помогай мне по дому, слушайся отца и будешь счастлива, — ответила Небет.

«А ты счастлива?» — хотела спросить Тия, но передумала. Едва ли мать станет обсуждать то, что выходит за рамки повседневности. Спокойствие и рассудительность были главным достоинством Небет. Она всегда старалась держать себя в руках и твердо стояла на земле.

Через несколько дней Небет отвела дочь в дом богатого торговца, который жил на берегу Нила и имел дочь такого же возраста, как и Тия. У Эте было много красивых, ярко раскрашенных кукол, но она показалась Тие чересчур замкнутой и тихой. Отец держал Эте в строгости и не позволял ей выходить за ворота, поэтому девочки чинно и со всей серьезностью играли в саду. Тия мечтала о живом, непосредственном общении, ей хотелось побегать и пошуметь, и вскоре она вновь предприняла попытку сблизиться с детьми, которые ее избегали.

Тия ловко спрыгнула со стены и незаметно подошла к ребятам. Застигнутые врасплох дети бросили игру с молчаливой, но выразительной враждебностью разглядывали расшитое цветными бусинами льняное платье незнакомки, ее мягкие зеленые сандалии и золотые браслеты на запястьях и щиколотках.

— Что тебе нужно? — наконец спросил старший по возрасту мальчик с красивым нагловатым лицом и недобрым взглядом прищуренных от яркого света глаз.

— Я хочу играть вместе с вами, — сказала Тия.

От волнения у нее пересохло в горле, и ее голос прозвучал неуверенно и тихо.

— Ты не можешь играть вместе с нами, потому что ты не такая, как мы, — заявил мальчик и грубо добавил: — Иди туда, откуда пришла!

Дети дружно засмеялись, и в больших, сине-зеленых, как воды Нила, глазах Тии блеснула боль поражения.

— Почему ты думаешь, будто я не такая? — спросила она, чувствуя, что теряет мужество. Девочка с трудом удерживалась от того, чтобы не расплакаться и не убежать.

— Потому что ты не способна сделать то, что можем делать мы, — веско произнес мальчик.

— О чем ты?

Он усмехнулся, переступил с ноги на ногу, оглянулся на толпу детей и произнес:

— Мы каждый день плаваем в Ниле, в заводи, что слева от пристани. Если ты не побоишься войти в воду и принесешь нам цветок лотоса, мы примем тебя в игру.

Тия заметила, как один из мальчиков тревожно нахмурился и собирался что-то сказать, но старший метнул в его сторону предупредительный взгляд.

— Хорошо, — согласилась девочка, понимая, что в противном случае ее уход будет сопровождаться насмешливым хохотом и свистом.

Тия оглянулась на особняк с рядами аккуратно побеленных построек и любовно ухоженным садом. Казалось, дом мирно дремлет под лучами горячего солнца. Если мать ее хватится, будет беда!

Она повернулась и быстрым шагом направилась к берегу. Дети молча смотрели ей вслед.

Небо было пронзительно-синим, без единого облачка; землю окутывало тончайшее золотистое покрывало солнечного света. По пути попадались люди; Тия опускала голову и не смотрела на них. Лишь очутившись на берегу, она остановилась и перевела дыхание. Потом неторопливо спустилась вниз, к окруженной деревьями заводи. Яркие солнечные блики слепили глаза, а глубокая темная вода, казалось, скрывала недобрую тайну. Такую же загадку таил в себе взгляд мальчика, который послал Тию к заводи. Девочка чувствовала подвох, но не могла понять, в чем он заключается.

Возможно, дети решили подглядывать за ней? Тия оглянулась. Вокруг не было ни души. Приближался полдень — все живое спешило спрятаться в спасительной тени. Тишина нарушалась лишь шепотом листвы да журчанием речных струй. Над водой нависли ветви старых деревьев; казалось, дикийннне чудовища простирают к реке свои корявые руки. Тия сняла сандалии и ступила в воду. Дно было неприятно зыбким, осклизлым, а вода выглядела мутной, нечистой.

Вот они, водяные цветы, совсем близко от берега. Что стоит скинуть платье и немного проплыть, а потом вернуться обратно? Живя в Фивах, Тия часто купалась в Ниле вместе с матерью, Харуей и служанками. То были чинные, неспешные погружения в воду в огороженной и тщательно вычищенной купальне, где вода не таила в себе никакой опасности.

Боязливо оглянувшись, девочка сняла платье и медленно вошла в реку, чувствуя, как вода приятно холодит разгоряченное тело. Неожиданно осмелев, Тия бросилась вперед и поплыла, с силой разводя руками. Внезапно ее охватил восторг прикосновения к дикой природе, ощущение полной свободы, какой она ранее не испытывала. Тем временем под темным шатром деревьев шевельнулась какая-то тень и послышался еле слышный всплеск. Тия оглянулась, но, не заметив ничего подозрительного, продолжала плыть. Она ни о чем не догадалась, даже когда вода медленно вспучилась и со дна поднялось что-то большое и длинное. Девочке почудилось, что это всего лишь гнилое бревно.

Тия с трудом оборвала гибкий стебель и повернула обратно. Лотос в ее руках, теперь она докажет детям, что она «такая, как они» и ... На нее смотрели нечеловеческие, немигающие желтые глаза с узкими прорезями зрачков. Они возвышались над водой, позади бугрился гребень, а впереди угадывались очертания длинной зеленоватой морды.

Девочка замерла. Огромный крокодил, воплощение бога Себека[6]! Должно быть, он издавна обитал в заводи, и дети знали об этом! У Тии был выбор: либо уплыть дальше и утонуть, либо приблизиться к берегу и быть съеденной крокодилом. Ее парализовал страх. Заводь, совсем недавно приветливая и мирная, оказалась беспощадной хищной ловушкой богов или судьбы.

Животное не шевелилось; оно знало, что добыча никуда не уйдет. Его взгляд был равнодушным, холодным, пустым, в нем не угадывалось ни предвкушения, ни злобы. Тия боялась утонуть, но еще сильнее ее пугала смерть в пасти крокодила. В этом случае ее тело никогда не отыщут и ее душа вовек не найдет покоя! Девочка вспомнила бесчисленные некрополи в окрестностях Фив, внушающие почтительный страх. Ее участь будет много ужаснее участи мумии с повязанным челом, заткнутыми ноздрями и лишенными блеска глазами!

[1]Сети I – царь 19-й династии фараонов Древнего Египта, правил около 1337 — 1317 г. до н. э. Возобновил попытки восстановить египетские владения в Сирии и Палестине, совершил множество военных походов.

[2] Черная земля, собственно Египет.

[3]Ном – административный округ. Древний Египет был разделен на 42 нома, каждый из которых управлялся наместником фараона – номархом.

[4]Ра – бог Солнца, верховное божество Древнего Египта.

[5]Древние египтяне считали красный цветом зла.

[6]Себек — бог-крокодил. Опасный хищник, он представал в мифах как защитником людей, так и их врагом.

Глава вторая

Тия быстро поплыла на глубину, а крокодил бесшумно и плавно двинулся следом. Бездушной твари ничего не стоило догнать ее и перекусить пополам. Тию объял леденящий ужас; девочке казалось, будто ее накрыло удушливой темной волной — она не могла ни дышать, ни кричать.

Тия думала, что это конец, как вдруг услышала громкий всплеск. В воду обрушилось что-то тяжелое и угодило прямо в морду крокодила. Животное не успело опомниться, как второй камень ударил его между глаз. Чудовище в панике забило хвостом, затем бросилось на дно, в укрытие.

Девочка посмотрела на берег. Там стоял мальчик примерно ее возраста и держал наготове еще один булыжник. Когда крокодил скрылся, мальчик махнул Тие рукой, но она чувствовала, что силы иссякли. Сперва вода плескалась у подбородка, потом достигла губ и ноздрей. Тия барахталась, не желая сдаваться, но тело казалось тяжелым как камень. Видя, что незнакомка тонет, юный спаситель без колебаний бросился в воду.

Девочка обмерла. Сейчас крокодил появится снова, и под угрозой окажутся сразу две жизни! Мальчик быстро подплыл к Тие, вытолкнул ее на поверхность, схватил за волосы и с усилием потащил за собой. К счастью, она быстро пришла в себя и смогла плыть. Чудовищная рептилия вновь показалась из воды, однако дети уже вылезли на берег. Видя, что добыча уходит, крокодил устремился на сушу, и они едва успели отползти на безопасное расстояние.

Совершенно обессиленные, они рухнули навзничь под деревьями. Тия судорожно хватала ртом воздух. Спаситель перевернул девочку на спину и приподнял ее голову. Ошеломленная произошедшим, Тия не замечала, что на ней нет одежды; Впрочем, мальчик не смотрел на ее тело, он заглядывал ей в глаза, в которых отражалось высокое небо и еще не растаял страх жестокой безвременной смерти.

Светло-карие, почти янтарные, большие и серьезные глаза мальчика придавали его загорелому лицу необычайную выразительность. Тело юного спасителя было худощавым и гибким, руки и ноги — по-мальчишески тонкими, однако при этом он не казался слабым. Под смуглой кожей угадывались крепкие мышцы. Было видно, что мальчик с детства привык к тяжелой работе.

Он встал, вернулся с платьем и молча протянул его девочке. Тия рывками натянула одежду на мокрое тело и услышала голос:

— Кто ты такая? Как здесь оказалась?

Девочка заметила, что он смотрит на цветок, который был зажат в ее сведенных судорогой пальцах.

— Я... должна была сорвать... лилию, — запинаясь, произнесла Тия.

— Где ты живешь?

— Здесь, в Эффе.

— Разве ты не знаешь про крокодила? Старый хищник много лет обитает в этом месте. Это известно даже мне, а я нечасто появляюсь в городе.

— Мы не так давно сюда переехали, — прошептала Тия и спросила: — Ты испугался?

Мальчик усмехнулся.

— Немного. Мне случалось отпугивать крокодилов. Они часто подстерегают скот в какой-нибудь заводи, когда животные пасутся на берегу. Если крокодил утащит козленка, мне не несдобровать!

— Откуда ты? — спросила девочка.

Он махнул рукой по течению реки.

— Мы живем на болотах. Привезли папирусные веревки и циновки на продажу. Еще нам нужно заплатить налог. Отец и братья отправились сдавать отчет о нашем имуществе здешнему писцу, а меня отпустили погулять, но я не знал, куда идти. — Мальчик пожал плечами. — Денег у меня нет, местные нас не любят. Я решил посидеть на берегу, спустился к заводи и увидел крокодила и... тебя.

Тия пригляделась к новому знакомому. Его ноги не знали обуви. Набедренная повязка — единственная одежда — ослепительно белела на фоне смуглой кожи. Было понятно, что юный спаситель очень беден, но он держался с достоинством, без подобострастия и робости.

— Почему жители Эффе вас не любят?

Мальчик замялся.

— Они считают нас низкими, темными людьми, с которыми стыдно знаться, — произнес он после паузы.

Тия вспомнила слова своей матери и спросила:

— Ниже крестьян?

— Не знаю, — с сомнением произнес он и любопытствовал: — Зачем ты сорвала лотос?

Тие не хотелось лгать человеку, который ради нее рисковал своей жизнью.

— Они нарочно отправили тебя к заводи, — уверенно произнес мальчик, когда она завершила свой рассказ, и добавил: — Однажды здешние ребята подкараулили меня и заставили драться с ними. Их было много, а я один. Если бы не появились мои старшие братья, мальчишки, наверное, забили бы меня до смерти.

Тия подумала о том, что, если рассказать отцу правду, возможно, он наградит ее спасителя. Вместе с тем ей не хотелось, чтобы дома узнали о сегодняшнем происшествии. Почувствовав, что к ней возвращаются силы, девочка встала.

— Мне пора идти.

Мальчик кивнул.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Тия. А тебя?

— Тамит. Ты еще придешь сюда? — спросил мальчик. Он выразительно посмотрел на девочку и неожиданно признался: — У меня мало свободного времени, но когда оно случается, я играю в игры, в которых становлюсь, кем хочу. Воином, жрецом, даже... фараоном. Если хочешь, мы можем играть вместе. Когда отец снова поедет в Эффе, я попрошу, чтобы он взял меня с собой.

Тия затаила дыхание. Тамит говорил об играх, о которых она мечтала. Девочка обладала пылким воображением, ей безудержно хотелось проникнуть в нечто недостижимое, заоблачное, примерить на себя, будто яркие одежды, те великие роли, которые ей не доведется сыграть в реальной жизни.

— Ты учился в школе? — с надеждой спросила она.

Мальчик помотал головой.

— Умеешь читать и писать?

— Нет. Никто из нас не знает грамоты, однако среди наших людей есть свои мудрецы. Молодые плетут циновки и веревки, а старики рассказывают легенды и сказки. Мы близки к тому, что растет из земли, рождается в воде и в небе.

Тия с трудом представляла обитателей болот, которые любят звезды, но промолчала. Ей показалась странной разница между происхождением мальчика и тем, что он говорил. Ее отец презирал тех, кто не владеет магией слов, начертанных на папирусе. Он считал, что человек, не умеющий читать и писать, подобен слепцу. Теперь Тия невольно задумалась о том, что, возможно, на свете существует другая мудрость, иной способ познать и увидеть мир.

— Я постараюсь прийти, — пообещала она. — Главное, чтобы никто не узнал о том, что случилось сегодня.

Мальчик серьезно, по-мужски кивнул.

— Я никому не скажу.

Девочка вернулась обратно. Дети, пославшие ее на верную гибель, как ни в чем ни бывало играли на улице. Увидев Тию, они замерли и смотрели на нее так, будто она явилась с того света. Она подошла к старшему мальчику и бросила к его ногам мертвый лотос. Лепестки чудесного цветка сморщились и поникли, а стебель напоминал червяка.

— Я не буду с вами дружить, — звонко произнесла Тия, — потому что я и правда не такая, как вы!

Сопровождаемая гробовым молчанием, девочка проследовала к воротам своего дома. Тия успела переодеться, и Небет, выбравив дочь за долгое отсутствие, не заметила, что та явилась домой в испачканном и измятом платье.

Как бы невзначай девочка спросила мать:

— Что за люди живут на болотах?

Небет нахмурилась.

— Они ютятся в тростниковых хижинах, плетут папирусные веревки, ловят рыбу. Они черны, как ил, они не стригут волосы, и от них ужасно пахнет. Эти люди настоящие дикари.

Тия удивилась. Тамит не выглядел дикарем. Но она не видела его отца и братьев. Возможно, Небет права и ей не стоит знаться с жителем болот?

Через несколько дней, словно повинуюсь неведомому зову, Тия вновь пришла на берег. Крокодил не показывался. Природа выглядела удивительно безмятежной; складывалось впечатление, что на свете не существует ни опасности, ни разочарований, ни смерти.

Девочка присела на камень и загрустила, потому что понимала: сегодня Тамит не придет. Тия замечала, как она, подрастая, постепенно отдаляется от родителей. Она втайне осуждала мать, которая столь быстро привыкла к образу жизни захолустного городка, и не вполне понимала отца, который, напротив, думал только о Фивах, скорбел об утраченных возможностях, не замечая ничего вокруг. Он ревностно и упорно обучал Тимеса грамоте, неустанно повторяя, что сын должен вернуть то, что по воле судьбы потерял он, Анхор, и почти не вспоминал о Тие. Вероятно, отец полагал, что она всем довольна, так же как Небет и Харуя. Просторный дом, ухоженный сад, пекарня и кухня, покладистые слуги — чего еще может желать женщина?

Глава третья

Прошло немало времени, прежде чем Тия полюбила Эффе. Полюбила вставать на рассвете, когда тело полно сонного тепла, выходить в сад, забираться на стену и вдыхать прохладный воздух. Девочка всякий раз с трепетом дожидалась момента, когда солнце выглянет из-за горизонта и окрасит далекие горы в нежно-розовый, а затем — в бледно-золотой цвет. В этот час городок оживал, люди брались за дела, ночные сны и печали минувшего вечера растворялись в дневной суете.

Когда наступал горячий, сухой и душный полдень, горы становились пепельно-серыми, почти терялись в знойной мгле, от облаченного в камень города веяло жаром, все вокруг замирало, и даже пальмы опускали свои изумрудные опахала.

Утра в Фивах были восхитительны: бесчисленные кровли домов, величественные храмы, густые сады — все тонуло в золотой дымке. Небо окрашивалось в цвета речной воды, а редкие облака напоминали перламутровые раковины. Этот город никогда не покидало ощущение торжественности, праздничности, ожидания и близости чуда. Зато здесь, в Эффе, она училась понимать и ценить простые, данные от начала мира вещи. К тому же с некоторых пор на свете существовало нечто такое, что сполна заменяло Тие жизнь в Фивах. И вообще, реальную жизнь. Это были игры с Тамитом.

Дети все-таки встретились — на том же месте, на берегу заводи, в которой обитал гигантский крокодил. Встреча была случайной, хотя все это время оба желали увидеть друг друга. Поначалу они не знали, о чем разговаривать, но постепенно не только нашли общий язык, но и научились предаваться увлекательнейшим занятиям.

Сюжет истории обычно придумывал мальчик. Тия исполняла все женские, а Тамит — все мужские роли. У него была удивительная, ничем не скованная, свободная, как полет птицы, фантазия. Тия помогала мальчику отыскать невидимые дороги в мир, о котором он не имел понятия. Замирая от удивления, Тамит слушал ее рассказы о Фивах, о торжественном движении колесницы фараона, окруженной отрядом хорошо вооруженных солдат, о процессии придворных и жрецов, об ослепительно-белых одеждах богатых горожан, пожелавших увидеть живого бога. О безупречно правильных конусах гробниц, которые врезались в небо, вызывая у человека изумление и восторг.

Тие не хватало слов, чтобы передать красоту и грандиозность столицы, ее каналов, садов, дворцов, поведать о том, как цвет пирамид удивительным образом меняется в зависимости от времени суток. Однако Тамит мгновенно схватывал суть вещей, и спустя несколько минут перед Тией разворачивалась история заговора военачальника против фараона. Заговор был раскрыт, военачальник бежал, а его сына захватили в плен и собирались похоронить живьем. Юношу спасала влюбленная в него царская дочь. Он хотел отомстить ее отцу, а она умоляла его не делать этого...

Дети носились по берегу, как безумные, лазили по деревьям, укрывались меж камней от невидимого противника. Тамит с легкостью исполнял роль и фараона, и военачальника, и его сына, и предателя-раба. Тия, в свою очередь, изображала царскую дочь, ее верную служанку, жен военачальника и фараона и жила жизнью своих героев. Она в самом деле испытывала нехватку воздуха и головокружение от давящего предчувствия несчастья, ощущала бесильный гнев, ужас и панику, а после — чувство величайшего облегчения и сводящей с ума радости. Перед внутренним взором девочки одна за другой проходили многообразные, яркие, воистину волшебные картины. Тия видела рядом с собой не бедного мальчика, а тех, в чьи роли он так искусно вживался, в чьи образы, казалось, проникал душой и плотью.

Когда Тия, взволнованная игрой, возвращалась домой, с ее лица долго не сходил румянец, а глаза ярко блестели. Девочка денно и ночно мечтала о следующей встрече и упоитель-

ных играх и очень скучала то ли по Тамиту, то ли по тому удивительному миру, который они создавали вдвоем. Занималась ли Тия какими-либо делами, говорила ли с матерью, часть ее существа пребывала там, в невидимой стране увлекательных историй.

Дома девочка говорила, что идет в гости к Эте, и предусмотрительно брала с собой чистую одежду. Ни матери, ни отцу не приходило в голову проверить правду ли говорит Тия, — они не могли представить, что их благовоспитанная дочь проводит время в обществе полудикого мальчишки.

Тие казалось, что она изучила все переплетения ветвей, выпуклые наросты на стволах деревьев, чуть различимые тропинки и едва заметную примятость растущей на берегу травы. Что она видит каждую паутинку, пролетающую над ее головой, помнит каждый листок, на который случайно упал ее взгляд.

Мальчик ни разу не спросил подружку о том, кто ее родители, и девочка тоже толком не знала о семье, в которой жил Тамит. Каково же было ее изумление, когда она однажды увидела его отца!

Тия решила проводить друга до пристани. Был базарный день, торговля развернулась прямо на берегу. Продавцы рыбы сидели на корточках перед камышовыми корзинами и громко расхваливали свой товар, другие торговали луком, хлебом и пивом, третьи предлагали покупателям благовония, украшения и обувь. Вокруг пристани сгрудилось множество лодок. Тия задыхалась от разнообразных, зачастую неприятных запахов. Она хотела сказать своему спутнику, что, пожалуй, пойдет домой, как вдруг его окликнули по имени. Мальчик повернулся и замер перед странным человеком, который повторил недовольным тоном:

— Тамит! Куда ты пропал? Я давно тебя жду.

— Я здесь! — торопливо произнес мальчик и беспомощно оглянулся на Тию, а потом перевел встревоженный взгляд на своего отца.

Это был худой, жилистый мужчина, дочерна загорелый, с давно не мытыми, спутанными волосами и неопрятной бородой. Его передник был сделан не из мягкого белого льна, а из желтовато-серой жесткой циновки и уродливо топорщился над тонкими кривыми ногами. В довершение всего от него исходил крепкий рыбный дух, к которому примешивался запах пота.

Дочь писца привыкла видеть гладко выбритых, коротко подстриженных мужчин, многие из которых носили красивые парики. Иметь на лице и теле лишние волосы считалось неопрятным и постыдным. Что касается запаха, то обитатели дома Анхора, и господа, и слуги, привыкли мыться несколько раз в день.

Сердце Тии сжалось, и внутри шевельнулось неприятное ноющее чувство. Неужели Тамит, когда вырастет, будет похож на своего отца?! Внезапно солнечный свет показался до рези ярким; девочка вдруг почувствовала, что ее лицо, ноги и руки покрыты пылью, а в сандалии набились мелкие камешки и сухая земля. Ей захотелось поскорее вернуться домой, умыться и надеть чистое платье. Теперь Тия понимала, почему писец Анхор презирал тех, кто занимался физическим трудом. Отец Тамита являл собой законченный образ нищего, темного, несчастного и неудачливого человека. Хотя ему было не более сорока, он выглядел стариком. Недаром говорится, что тело простолюдина изнашивается намного быстрее, чем орудия его труда! Девочке казалось, что в голове этого человека не может быть никаких мыслей, а его душа напоминает темную яму.

— Я пойду, — сказал мальчик и побрел за своим отцом.

Тие почудилось, что его плечи обреченно опустились, а взор янтарных глаз потух. В тот же миг придуманные образы, которыми девочка жила последнее время, сделались похожими на далекий сон, на вылинявшую тряпку. «Мы не должны встречаться, мы слишком разные, — подумала она. — Есть ли смысл что-то выдумывать, если в реальности все остается прежним?»

Тия повернулась, чтобы идти домой, и тут ее окликнули. Она не сразу узнала женщину, которая смотрела на нее во все глаза. Красивое лицо с ярко подведенными глазами и нежным

ртом, стройная фигура, льняное платье, широкое ожерелье из концентрических бус, покрывавшее тело от основания шеи до середины груди, на руках — браслеты из электрона, смеси золота и серебра. Спустя несколько секунд Тия сообразила, что это Харуя. С ней была одна из служанок. Вероятно, наложница отца пришла на берег за покупками.

— Тия! Что ты здесь делаешь?

— Ничего. Просто... гуляю.

Она надеялась, что Харуя не заметила Тамита.

— Дочь писца не может гулять одна! — взволнованно произнесла молодая женщина. — По-моему, ты сказала Небет, что идешь к Эте.

— Пожалуйста, не говори матери о том, что встретила меня на пристани! — умоляюще прошептала Тия.

Девочка заметила, что Харуя колеблется. Тия видела себя ее глазами: худенькая, с неоформившимся полудетским телом, резкими выступами бедер и плеч и страдальческой напряженностью в лице. Девочка знала о себе слишком мало, еще не понимала, красива она или нет, способна ли притягивать людей или, может, отталкивает их. Вот Харуя была красива. И довольно сильно напугана. Ей хотелось помочь Тие, и вместе с тем она чего-то боялась.

— Пойдем! — отрывисто произнесла молодая женщина и схватила девочку за руку.

Они пошли по дороге; растерянная служанка едва поспевала за ними. Солнце слепило взор, вдаль можно было смотреть, лишь прищурившись. Воздух был полон радужного сияния — это блестяли крылья насекомых, которые летели к оросительным каналам в поисках спасительной влаги.

— Пойми, — сдавленно произнесла Харуя, — если дома узнают правду и догадаются о том, что я тебя покрываю, мне попадет — в первую очередь от твоего отца.

— Ты его боишься? — спросила Тия. — Разве он злой?

Харуя остановилась и посмотрела девочке в глаза.

— Он не злой, просто не любит, когда что-то идет не так, как должно идти. — Молодая женщина опустила ресницы. — Я из бедной семьи, поэтому мои родные сочли большой удачей отдать меня в дом писца. С тех пор прошло несколько лет, я родила двоих детей, но мое положение не стало менее шатким, чем прежде.

— Почему?

— Потому что я не жена твоего отца, а всего лишь наложница, — ответила Харуя, и ее глаза предательски забегали.

Девочка удивилась, почему никогда прежде не говорила с Харуей по душам, как с близким человеком? Не потому ли, что та всегда казалась ей тенью матери? Внезапно Тия поняла, что наложница отца всего на каких-то семь-восемь лет старше ее самой. Интересно, счастлива ли она, довольна ли своей судьбой? Харуя любила ярко краситься и с удовольствием носила украшения, многие из которых Анхор купил для нее еще в Фивах, тогда как Небет, сколько Тия ее помнила, одевалась скромно, но при этом любила подчеркнуть власть над наложницей своего супруга.

— Помоги мне, Харуя! — с надеждой произнесла Тия. — Не выдавай! Быть может, когда-нибудь я смогу помочь тебе!

— Хорошо, — согласилась молодая женщина. — Но ты должна пообещать, что это не повторится. — И строго добавила: — Завтра я сама провожу тебя к Эте.

Тия кивнула. Пусть будет так, ведь она уже приняла решение не встречаться с Тамитом. Интересно, где он сейчас?

А мальчик плыл вместе со своим отцом в небольшой лодке, скользившей по голубому Нилу, будто легкокрылая птица по ясному небу. Местами вода была покрыта ковром бело-розовых лилий и зеленой сеточкой ряски. По берегам стояли заросли папируса, такие высокие и густые, что сквозь них не проникали солнечные лучи. Опустив руку в реку, Тамит наблюдал,

как упругие прозрачные струи скользят между пальцами. В толще воды шныряли гибкие рыбы; их блестящая чешуя отсвечивала радугой. Отец долго молчал, будто обдумывая, с чего начать разговор, потом спросил:

— Что это за девочка?

— Она живет в Эффе, — спокойно ответил Тамит.

— Ты понимаешь, что не должен с ней встречаться?

— Понимаю, — сказал мальчик, и, не выдержав, добавил: — Только не знаю почему!

— Потому, — промолвил отец, — что вы стоите на разных ступеньках невидимой лестницы.

— Что это означает? — невозмутимо произнес Тамит.

Мужчина рассердился.

— Не притворяйся! Ты знаешь! Боги ставят каждого человека на его место, создают то, что ему нужно для его жизни. Не пытайся шагнуть за черту, иначе на твою голову падут несчастья, какие не снились ни тебе, ни твоим предкам! На свете существуют правила, которые нельзя нарушать.

— Правила устанавливают боги?

— Да. А еще люди. Эти люди сильнее, чем мы, они всегда побеждают. Если отец девочки увидит вас вместе, мы никогда не сумеем заплатить налог и нас бросят в тюрьму за долги. Не только меня, но твоих братьев.

— Мы не делали ничего плохого, — возразил Тамит. — Просто играли.

— Некоторые игры могут привести к серьезной беде, — заметил отец. — Обещай мне запомнить это!

Мальчик вздохнул.

— Обещаю.

— Ты уже большой и должен работать, а не играть, — сурово добавил мужчина. — Тебе придется смириться с тем, что для тебя не существует другого пути.

— Я постараюсь.

Тамит уважал своего отца. В отличие от других родителей Шеду никогда не брался за палку, а всегда старался поговорить с сыном. Мальчик вспомнил лицо Тии в тот момент, когда она увидела его отца. В нем были изумление, растерянность, страх и брезгливость. Почти такое же выражение появилось в глазах девочки, когда она узнала, что он, Тамит, никогда не ходил в школу и не умеет читать и писать.

Ну и что? Она тоже многого не знает! Не знает, как красив Нил на рассвете, когда в нем отражается оранжевое небо, а мерно бегущая по воде рябь кажется золотой. Она не видела, как в гущу прибрежных трав и кустарников проникают лучи восходящего солнца и те вспыхивают сотнями красок. Как ночные созвездия дрожат в черной воде, а небо прочерчивают огненные дорожки падающих светил. Не слышала, как в зарослях тростника вздыхают спящие животные и тревожно кричат ночные птицы. Не могла представить, какие искусные и полезные изделия можно сделать из папируса: веревки, лодки, циновки и даже хижины! Она ни разу не ловила рыбу бреднем, не видела, как огромные, скользкие, сверкающие перламутровой чешуей сомы вырываются на свободу, перепрыгивая сеть, а рыбаки со смехом хватают их руками!

Внезапно Тамит сжал кулаки. Его глаза потемнели, а выражение лица стало жестким. Он не должен предавать свой мир, мир, в котором родился и вырос, которым живут его сердце и его душа. Не должен — даже ради Тии.

Глава четвертая

Минуло несколько недель. Тия не ходила на берег. Нил разлился; над обширным водным пространством порхали мелкие птицы, в вышине парили огромные ястребы. Ясность и свежесть напоенного влагой воздуха придавала картинам окружающего мира необыкновенную яркость и силу.

Девочка прилежно занималась домашними делами, помогала матери по хозяйству, играла с младшими братьями. Тия могла притворяться перед близкими, но не перед самой собой, ибо желание жить придуманной жизнью не умерло. Дочь писца решила попытаться заменить Тамита кем-то другим. Эте согласилась поиграть в новую игру, но она была лишена воображения и все время смотрела на Тию в ожидании, что та подскажет ей не только сюжетный ход, но и нужную реплику, отчего девочке казалось, будто она играет не с живым человеком, а с деревянной куклой.

Промучившись несколько дней, Тия оставила бесплодные попытки расшевелить Эте. А потом в ее жизни появился Хетес, тот самый мальчик, который коварно отправил Тию в заводь, где жил крокодил. Хетес часто подкарауливал девочку возле ее дома, когда она направлялась к подруге. Тия всякий раз гордо проходила мимо, а мальчик с досадой смотрел вслед, но однажды он потерял терпение и преградил ей путь.

— Почему ты меня избегаешь? — прямо спросил он. — Я давно хочу с тобой познакомиться. Меня зовут Хетес.

Этот мальчик был старше, выше, сильнее Тамита. Тия почувствовала, как ее сердце испуганно дрогнуло.

— Ты не догадываешься? — Она старалась, чтобы ее голос не дрожал.

— Из-за того грязного мальчишки с болот? — небрежно произнес Хетес. — Тебе больше нравится дружить с ним, а не со мной?

— Если бы ты не захотел скормить меня крокодилу, возможно, я бы дружила с тобой, — заметила девочка.

Хетес едва заметно смутился.

— Это произошло не нарочно. Я думал, ты знаешь. Даже малым детям известно, что в заводи живет крокодил!

— Неправда, — Тия посмотрела ему в лицо, — ты знал, что я не знаю! Поэтому и послал меня туда.

— Я был уверен, что ты поймешь мою шутку, мне и в голову не пришло, что ты полезешь в воду! — воскликнул мальчик.

В этот миг его глаза были столь чисты, а голос звучал так искренне, что девочка едва не поверила. Все же она сделала шаг назад и покачала головой. Хетес немного помолчал, а потом решил перейти в наступление.

— Что будет, если я расскажу твоему отцу о том, что ты встречаешься с дикарем?

— Ничего не будет. Можешь рассказывать. Мы больше не видимся.

Тия попыталась продолжить путь, но мальчик не желал ее пропускать. На его лице появилась завистливая, злобная усмешка.

— Чем вы занимались на берегу? Я видел, что вы носились как сумасшедшие, а порой будто от кого-то прятались! Что это за игры?

— Тебе не понять.

— Почему? Я тоже умею играть.

Девочка вскинула взор.

— А что подумает и скажет мой отец, если узнает об этом?

— Он не станет запрещать, — уверенно произнес Хетес. — Я не рыбак, не крестьянин и не пастух, мой отец — лекарь. Нашу семью хорошо знают и уважают в Эффе. Так мы будем дружить?

Неожиданно Тия рассмеялась.

— А если тебе что-то не понравится, ты отправишь меня к крокодилам!

Хетес улыбнулся.

— Забудь. На самом деле я сразу понял, что с тобой интересно играть!

Девочка решила попробовать. По крайней мере, она могла отказаться дружить с этим мальчиком и пожаловаться на него своему отцу. На всякий случай Тия спросила разрешения у родителей; к ее удивлению, те не стали возражать. Врач по имени Бата взялся вылечить Анхора от головных болей, которыми тот страдал с юности.

Хетес быстро усвоил правила игры и не на шутку увлекся новой забавой. А также заинтересовал игрой других детей. Правда, Тие не нравилось, что мальчик сразу взял бразды правления в свои руки и без смущения раздавал приказания. В его играх каждый исполнял одну единственную роль, причем сам Хетес, как правило, был фараоном, а остальные — военачальниками, жрецами, солдатами, слугами.

Необходимость беспрекословно подчиняться Хетесу угнетала девочку. Когда она играла с Тамитом, оба ощущали себя свободными как ветер, в них бурлила фантазия, в каждый миг своей жизни и игры — которая и была жизнью! — они создавали фантастическое будущее, которое преображало их сердца и души, а их самих возносило над землей. Если Тамит черпал в игре вдохновение и воплощал дерзкие мечты, то для Хетеса она была способом лишний раз показать свою власть над другими людьми. Девочка догадывалась, что когда-нибудь этот красивый, но жестокий мальчик снова ее предаст, и уже жалела о том, что связалась с ним и доверила тайну, которая связывала ее и Тамита.

В конце концов Тия сказала заболевшей и перестала выходить из дома, а когда Нил вошел в берега, украдкой отправилась туда, где встречалась с прежним другом. Наступило благодатное спокойное время. Нил вернулся в свои границы, поля были щедро политы водой и покрыты слоем жирного черного ила. Вспаханная земля ждала посевов. От воды поднимался пар; заросли папируса, просвечивавшие сквозь тонкую мглу, казались покрытыми позолотой. Девочка долго сидела на берегу, и ей чудилось, что деревья, травы, насекомые, птицы — ее друзья, которые понимают, что она чувствует. Тия была уверена в том, что мальчик не вернется и они больше никогда не встретятся.

Когда она возвратилась домой, то увидела окруженного ребятей Тамита, который стоял, прижавшись к ограде, и со скрытым испугом и явной надеждой озирался вокруг. Один из мальчиков, подстрекаемый Хетесом, насккивал на юного жителя болот.

— Что ты здесь делаешь? Зачем ты явился сюда?!

Девочка подросла в тот самый момент, когда мальчишка замахнулся, чтобы ударить Тамита. Тия растолкала ребят и схватила обидчика за руку.

— Не смей его трогать!

Мальчик растерянно отступил, а Хетес повернулся к Тие и, презрительно прищурившись, спросил:

— Почему ты его защищаешь?

— Потому что он мой друг!

— Не ты ли говорила, что больше не хочешь с ним видеться? — с насмешкой произнес мальчик и обратился к Тамиту: — А ты здорово придумал все эти истории про заговор против фараона, про войны с иноземцами, про зарытые клады. Только теперь Тия играет со мной!

Тамит вздрогнул, а девочка залилась краской по самую шею. Вот где таилась ловушка! Хетес без зазрения совести выставил ее предательницей, которой нет оправдания. Они с Тами-

том создали свой собственный мир, особый и неповторимый, а она впустила туда чужаков и тем самым позволила его разрушить.

К ее удивлению, Тамит спокойно произнес:

— Я пришел не затем, чтобы играть. Я хочу поговорить с Тией.

— Тебе не о чем с ней говорить!

Тамит усмехнулся.

— Не тебе решать. Я не принадлежу к твоей свите, и ты для меня не царь.

Хетес ударил Тамита. Тот ответил. Они сцепились и покатались по земле. Мальчишки кричали, размахивали руками, топали ногами и всячески подбадривали Хетеса. Девочки визжали и зажимали уши руками. К всеобщему изумлению, Тамит оказался ловчее и сильнее. После короткой борьбы он оседлал противника и заломил ему руки за спину.

— Так я могу поговорить с Тией?

Поверженный «фараон» в бессильной злобе скалил зубы. Тия стояла, опустив руки вдоль тела, и в ее лице не было ни кровинки.

— Что вы стоите?! Бейте его! — прошипел Хетес, и покорные мальчишки набросились на Тамита. Кто-то схватил его за руки, кто-то повалил на землю, другие начали пинать ногами.

Хетес поднялся и со злобным торжеством наблюдал за расправой. Тия не знала, что делать. Она ненавидела этого мальчика за его холодную расчетливость и подлую хитрость. Отчаявшись, девочка нагнулась, взяла горсть пыли и бросила ему в глаза. Он вскрикнул и схватился за лицо. А Тия подобрала брошенную в игре палку и принялась бешено, исступленно, не разбирая лупить по головам, спинам, ногам обидчиков Тамита. Они побоялись дать сдачи дочери писца, да еще вблизи ее дома; вдобавок из ворот выбежала Харуя и, резко изменившись в лице, поспешила к детям.

— Что происходит?! Ваши крики разносятся по всему саду!

Ребята бросились врассыпную. На месте остались только Тамит и Тия. Лицо мальчика было разбито, из носа капала кровь. Слегка пошатываясь, Тамит поднялся на ноги. Харуя смотрела на него во все глаза.

— На него напали мальчишки, — сказала Тия.

— Вижу. Ему надо умыться, — озабоченно промолвила Харуя.

— Я пойду к реке. Там меня ждет лодка, — ответил мальчик.

— Я тебя провожу, — прошептала Тия.

Харуя покачала головой.

— Смотри, если родители узнают...

— Не говори им, — попросила девочка и пообещала: — Я скоро вернусь.

Тия боялась смотреть на Тамита, а когда все-таки заглянула ему в глаза, ей почудилось, будто она упала в пропасть или... скорее, вознеслась на небо, отыскала ту самую чудесную лестницу, которая ведет в потерянный мир! Взгляд мальчика был таким светлым, радостным, всепрощающим... Они направились к берегу.

— Прости, что так получилось. На самом деле я хочу дружить с тобой, только с тобой, — искренне промолвила Тия.

Мальчик печально улыбнулся.

— На тебе лежит печать твоего мира, мира, к которому мне никогда не принадлежать. Но я не жалею об этом, потому что у меня есть свой мир. Не менее удивительный и прекрасный. — И с надеждой произнес: — Хочешь, покажу?

Девочка вздрогнула. Она знала, что уже поздно и ей нужно возвращаться домой. Вместе с тем Тие неудержимо хотелось раствориться в этих неповторимых мгновениях, забыть обо всем на свете, отпустить себя на свободу. И она горячо прошептала:

— Да!

Лодка Тамита была спрятана в зарослях; пробираясь сквозь них, он подал Тие руку. Наползающая темнота приглушала краски вечера; вода у берегов казалась почти черной, а небо опрокинулось над головой огромной фиолетовой чашей, в которой медленно затухал огонь солнца. В его свете глаза мальчика казались не янтарными, а золотыми.

Лодка представляла собой узкий челн, на котором можно было проплыть по самым мелким протокам, даже в тех местах, где из-за густоты зарослей оставались только небольшие проходы. Мальчик и девочка сели в лодку. Тамит столь уверенно взялся за шест, что Тия сразу поняла: ей нечего бояться.

— Куда ты меня повезешь? — с любопытством осведомилась она.

Он приложил палец к губам и загадочно улыбнулся.

— Ни о чем не спрашивай. Просто смотри.

Вокруг бесшумно кружились летучие мыши. В зарослях высокой травы тревожно перепархивали птицы. Рядом вынырнула огромная рыба и ударила хвостом так, что суденышко закачалось. Потом она прошла под лодкой и долго гналась за ней, будто угрожая или играя.

Солнце садилось. По воде скользили оранжевые отблески заката. Незаметно взошла огромная луна и зависла на недостижимой высоте, а вокруг нее переливался разными оттенками желтоватый круг. Казалось, кто-то рассыпал по реке горсть серебряных монет. Все уснуло — кувшинки, травы, рыбы, птицы. Воздух казался сладким, бодрящим; его свежесть опьяняла, как молодое вино.

— Как красиво! — восторженно прошептала Тия.

— Я вижу это каждую ночь и буду видеть всегда, — сказал Тамит.

— Ты когда-нибудь спишь?

— Да. Но недолго. Сон на реке освежает мгновенно — несколько минут, и ты просыпаясь с таким чувством, будто проспал вечность.

— Расскажи, чем вы занимаетесь на болотах, — попросила Тия, а когда мальчик умолк, спросила:

— У тебя есть мать?

— Она давно умерла, и я ее не помню. Я последний ребенок в семье. Отец меня очень любит, — сказал Тамит.

Тия заметила, с каким глубоким чувством он говорит об этом грубом, неопрятном человеке.

— Тебе нравится твоя жизнь? Ты доволен?

Мальчик задумался.

— Знаешь, однажды отец сказал: «Для того чтобы вынести тяготы нашего существования, надо с ними смириться». А я считаю, что нужно просто полюбить себя и свою жизнь.

Они долго молчали, потом девочка спросила:

— Хочешь, я научу тебя читать и писать?

Тамит сник. Тия заметила, что он разглядывает свои не по-детски огрубевшие, покрытые мозолями ладони.

— Ты желаешь, чтобы я стал таким, как ты? По-моему, это невозможно.

— И не нужно, — успокоила Тия. — Мне интересно с тобой, потому что ты — это ты. Просто написанные слова, как и произнесенные, способны оживать, представлять такие же увлекательные картины. И они куда более ценны, потому что хранятся на папирусе.

— Откуда ты это знаешь? — недоверчиво произнес Тамит.

— Мой отец — писец, и он научил меня читать и писать, — с гордостью произнесла девочка и тут же поняла, что проболталась.

У Тиы замерло сердце. Теперь Тамит поймет, что ее отец — тот самый человек, что взимает налоги с бедняков, а те не в состоянии заплатить, ибо, отдав последнее, могут умереть с голоду.

— Хорошо, научи, — быстро произнес мальчик. — А я научу тебя различать голоса птиц, плести венки из трав, править лодкой и многому другому!

— А мы еще... поиграем? — прошептала Тия.

— Конечно! Мы сумеем придумать множество интересных историй!

Разумеется, Тие следовало сказать, что ей давно пора быть дома. Вместо этого она, затаив дыхание, слушала рассказы Тамита о птицах, чьи крылья похожи на белоснежную пену речных волн, о птицах, которым он завидовал, потому что они могут так высоко летать и видеть небо, землю, богов и людей. Он говорил о рыбах, чья переливчатая сине-зеленая зеркальная чешуя похожа на глаза Тии... Наверное, мальчик с болот не мог произнести таких слов. Возможно, они ей приснились, пригрезились под задумчивый плеск воды, под тихий стрекот ночных насекомых. И она не задумывалась о том, что будет, когда она вернется домой.

Глава пятая

Тия вернулась обратно на берег после полночи. Справа и слева от каменной пристани высились заросли тростника, сквозь которые просвечивали яркие огни. Они вспыхивали и метались. Слышались громкие голоса людей, которые сновали по берегу с факелами в руках. Девочка догадалась, что это слуги ее отца, и прошептала Тамиту:

— Высади меня где-нибудь в стороне! Тебя не должны увидеть!

— Что ты им скажешь? — с тревогой спросил мальчик.

— Что-нибудь совру. Скажу, что заблудилась, тогда меня не накажут. Иное дело, если отец узнает, что я была с тобой.

Необходимость заставила Тию говорить правду. Впрочем, Тамит все понимал. Весть о странной дружбе дочери писца и мальчика с болот могла навредить им обоим. Тамит осторожно причалил к берегу. В темноте Тия не видела его глаз и выражения его лица, но на прощание он крепко сжал ее руку, а потом резко оттолкнул лодку и скрылся в ночи. Девочка осталась одна. Тия подбадривала себя, говоря, что отец наверняка сильно обрадуется, узнав, что она жива, и это притупит его гнев. И все же от страха у нее кружилась голова и подгибались ноги. Один из слуг заметил девочку и радостно закричал:

— Господин, она здесь!

Увидев отца, Тия поразились тому, как он выглядит. Писец Анхор всегда выходил из дома не иначе как в парадном облачении: тяжелом парике, белоснежной гофрированной одежде, ожерелье из покрытых темно-синей глазурью фаянсовых бус и посохом в руках. Сейчас на нем не было парика, перепачканная илом одежда пришла в беспорядок. Он схватил дочь за руку, чуть выше локтя так крепко, что она едва не вскрикнула от боли.

— Где ты была?!

Лицо Анхора было искажено от злости, а глаза горели, как раскаленные угли. Никогда прежде Тия не видела отца в таком состоянии: что бы ни случилось, он умел хранить надменное спокойствие, свойственное мудрым и гордым чиновникам.

— Я решила прогуляться и заблудилась, — прошептала девочка.

Губы отца задрожали от гнева.

— Не лги! Ты была не одна!

Тия поняла, что он знает правду. Наверное, ему рассказала Харуя. Девочка зажмурила глаза от страха за судьбу Тамита. Пусть отец делает с ней что хочет, она не назовет имени своего друга. Только поможет ли это? Анхор не стал выяснять подробности при свидетелях. Он отвел дочь домой и поручил ее заботам женщин. Мать столь сильно переволновалась и была так напугана, что не стала бранить Тию. Пусть Анхор сам вершит судьбу дочери. Любое решение главы семьи окажется справедливым.

Улучив минутку, Харуя шепнула девочке:

— Твой отец все знает! Я молчала, проболтался тот мальчик, которого побил твой друг. Он сам пришел в наш дом и все рассказал.

Хетес! Конечно, это он! Тия закрыла глаза. Все пропало. Отец сумеет сделать так, чтобы она больше никогда не увиделась с Тамитом!

Девочка не спала всю ночь: она вертелась в постели, ей казалось, будто она лежит не на мягких простынях, а на раскаленных углях. Утром Тия явилась к отцу, поникшая, с бледным, будто присыпанным пеплом лицом. Анхор долго сверлил ослушницу взглядом, потом тяжело произнес:

— Ты лгала мне и матери. Ты валялась в грязи.

— Я не валялась в грязи, — робко возразила Тия и посмотрела на свое белое платье.

— Я говорю о другой грязи. О той, которую не смоешь водой. С одной стороны, она не видна, с другой — ее заметит каждый, кто узнает, что дочь писца водит дружбу с простолюдинами. — И добавил с досадой: — Не думал, что ты способна совершить такую глупость! Удивляюсь, как этот мальчишка посмел с тобой заговорить! Неужели рожденный на болотах не знает своего места?

Взгляд девочки был полон непонимания.

— Разве люди не имеют права желать чего-то большего, чем то, что им дано от рождения?

— Речь не о нем, а о тебе. Ил удобряет наши поля, но нам не приходит в голову мазать им лицо!

По щекам Тии побежали горячие слезы.

— Многие считают меня суровым, — устало заметил Анхор. — На самом деле жесток не я, а жизнь. Я просто делаю то, для чего предназначен, чего требуют наши обычаи. Сегодня этим людям будет приказано сняться с места и отправиться вниз по реке.

Девочка сложила руки в умоляющем жесте.

— Не надо, отец! Я больше не буду встречаться с этим мальчиком!

Анхор усмехнулся, и Тия впервые заметила, какие холодные у него глаза. Вероятно, когда-то они были яркими, однако время стерло краски, и теперь глаза казались бесцветными. Девочка понимала, почему другие люди боятся ее отца. В нем таилась беспощадная, равнодушная сила. Он хорошо изучил окружающий мир и понимал, чем живут человеческие сердца. Анхор занимал в мире определенное место, знал, чего от него ждут боги, царь, номарх, и был слишком ничтожен перед Вечностью, чтобы пытаться добиться своей цели иными средствами. Он жил так, как жили и умирали миллионы смертных.

— Я тебе не верю. За одним послушанием следует другое — и так до бесконечности. Юные склонны тянуться к запретному. Пройдет время, ты повзрослеешь и поумнееешь, а до той поры лучше обезопасить тебя от неразумных поступков. Эти люди найдут другое место обитания — им не привыкать.

Дочь писца стояла, опустив голову и свесив руки вдоль тела. Ее терзала мысль о том, что друг может подумать, будто это она не выдержала и все рассказала отцу. Вспоминая о днях, проведенных с Тамитом, Тия понимала, что эти дни были лучшими в ее пока еще недолгой жизни. А еще девочка почувствовала, что именно сегодня закончилось ее детство.

На следующий день на болота явились три рослых суровых нубийца с палками в руках и приказали жителям деревни собрать тростниковые хижины и навсегда покинуть окрестности Эффе. Люди болот привыкли повиноваться, они хорошо знали, что те, чьи тела блестят от пота, должны слушаться тех, чья кожа лоснится от ароматного масла. Шеду первым догадался, почему их прогоняют с насиженного места, и подозвал к себе сына. Мальчик ждал, что его отругают и накажут, и очень удивился, когда отец спокойно произнес:

— Я все понимаю.

Тамит замер, не зная, что сказать. Шеду помолчал, будто что-то обдумывая, а после промолвил:

— Я слышал, что судьбу нельзя обогнать. Она всегда опережает человека хотя бы на полшага. Глядя на тебя, я могу сказать, что это означает. В твоей душе горит мятежный огонь: возможно, когда-то он станет причиной пожара, от которого тебе придется спасаться, или превратится в факел, который будет освещать твой путь. Я дам тебе одну вещь, которая должна тебя защитить. Я собирался сделать это позже, но теперь понимаю: поскольку никому не ведомо, что случится завтра, я не должен ждать.

— Что это за вещь? — с любопытством спросил мальчик.

— Сейчас узнаешь.

Отец ушел и вскоре вернулся со свертком, к которому прилипла земля. Он развернул ткань, и Тамит увидел искусно сделанную пектораль[1]. Металл ярко сверкнул, и мальчик понял, что эта вещь из чистого золота.

— Откуда она у тебя? Разве простые люди носят такие украшения? — недоверчиво произнес Тамит.

— Нет.

— Значит, она чужая?

— Не совсем. Я ее нашел. Это случилось спустя год после смерти твоей матери. — Шеду осторожно дотронулся до украшения, и в его голосе прозвучала боль воспоминаний: — Я знал, что боги не напрасно забрали Аби, что ей хорошо там, куда мы все когда-нибудь попадем, и, тем не менее, не находил себе места. Но в тот день я обрел покой и новые силы для того, чтобы продолжать жить.

Тамит молчал. Вещь была невероятно дорогая, необычная, красивая, однако он не мог понять, каким образом она могла утешить отца.

— Я хочу, чтобы ты взял ее себе, — сказал мужчина.

— Ты даришь ее мне?

— Она твоя.

— Я должен ее носить?

— Не надо. Это знак принадлежности к высшему миру. Будет лучше, если ты спрячешь ожерелье. Люди могут подумать, что ты его украл. Просто если ты когда-нибудь пожелаешь изменить свою жизнь, эта вещь может тебе пригодиться.

Мальчик смотрел с недоумением.

— Не ты ли говорил, что нам нельзя думать о переменах!

Шеду сокрушенно покачал головой.

— Если б я знал, как следует поступить! Я никогда не скажу этого старшим сыновьям, но ты не такой, как мы.

— Почему?

— Потому что ты родился другим, — загадочно произнес отец. — И я очень надеюсь, что тебе повезет больше, чем нам.

— Я не знаю, где искать другую судьбу, — заметил Тамит.

— Я тоже, — ответил Шеду и с сомнением добавил: — Быть может, в большом городе? Я слышал, будто в Фивах боги ближе к людям, чем в местах, в где привыкли жить мы.

— Почему?

Мужчина пожал плечами.

— Зачем Амону[2] болота? Иное дело — богатый город.

Тамит задумчиво разглядывал украшение, жалея о том, что не может разгадать смысл знаков, которые украшали пектораль. Золото сияло и играло на солнце, однако мальчику чудилось, будто людей сближает и разделяет не оно, а что-то другое, и величие, равно как и низость человеческих существ, проявляется не внешне, а как-то иначе. Оставалось надеяться, что когда-нибудь это поймут и другие люди, что однажды боги смилостивятся и позволят ему снова встретиться с дочерью писца.

Прошло несколько лет.

[1] Пектораль – нагрудное украшение, согласно поверью, обладавшее особыми магическими, защитными свойствами, подчеркивающее высокий социальный статус. Обычно декорировалось символическими изображениями, несущими большую смысловую нагрузку.

[2] Амон – в эпоху Нового царства основное божество Древнего Египта, покровитель Фив; отождествлялся с верховным богом Ра.

Глава шестая

Базарный день представлял собой незабываемое зрелище. На пристани толпились знатные горожане в длинных льняных одеждах, крестьяне в набедренных повязках и голые рабы. Возле позеленевшего от времени каменного причала теснились деревянные барки богатых людей и тростниковые лодочки бедняков. Среди разношерстной толпы выделялись две молодые женщины в узких белоснежных платьях, явно не знавшие, что такое тяжелая работа и нелегкая жизнь. За ними следовала рабыня с тростниковой корзинкой, в которую красавицы складывали многочисленные покупки.

Это были Тия и Харуя. Дочери писца Анхора исполнилось шестнадцать лет; как и многие египтянки, она обладала стройной фигурой и правильными чертами лица. Девушка привлекала к себе внимание необычными переливчатыми глазами: в зависимости от настроения, освещения или погоды они становились изумрудными, бирюзовыми или лазурными. Харуя находилась в расцвете женской красоты, которая могла показаться слишком яркой, если бы не выражение кротости и некоторого разочарования жизнью, затаившееся в глубине глаз, подведенных свинцовым и малахитовым блеском.

Тия знала, что мать, чья молодость клонилась к закату, не слишком рада тесной дружбе дочери с молодой наложницей своего мужа, которую считала легкомысленной. Однако при всем желании Небет не могла этому помешать. Анхор бы только пожал плечами и не стал бы вмешиваться в женские дела. Вполне естественно, что взрослая девушка интересуется косметикой и нарядами и тянется к Харуе, которая давно овладела тайнами украшения лица и тела.

Тия увидела, что навстречу по пристани идет Хетес, и отвернулась. За минувшие годы она ни разу не заговорила с ним и даже не поздоровалась, хотя, случалось, он приходил в их дом и приносил лекарства для Анхора. При виде Хетеса Тия вспоминала слова отца о невидимой грязи, которую нельзя смыть водой. Ей казалось, что она видит на красивом лице юноши клеймо предателя.

Он, в свою очередь, подчеркнуто не обратил внимания на Тию, зато проводил взглядом Харуя. Хетесу исполнилось восемнадцать лет, он возмужал и заглядывался не на своих ровесниц, а на женщин постарше.

— Хетес стал совсем взрослым, — заметила Харуя, когда молодой человек прошел мимо. Тия приподняла брови.

— Терпеть не могу этого мальчишку! Никогда не забуду, как он рассказал отцу о моих встречах с Тамитом.

— Мальчишку? — повторила Харуя и улыбнулась своим тайным мыслям.

Тия тихо вздохнула. За прошедшие годы она сполна прочувствовала, что значит жить воспоминаниями и мечтами. Она вела себя примерно и ничем не заслужила недовольство отца. Анхор не упоминал о мальчике с болот, и девушка решила, что отец позабыл о ее проступке. Сама Тия часто вспоминала Тамита, хотя это ничего не меняло. Друг ее детства навсегда покинул окрестности Эффе и вряд ли когда-нибудь вернется назад. Впрочем, временами Тия говорила себе, что не стоит думать об этом мальчике. Рука невидимого бога давно провела между ними незримую черту. Она повзрослела, Тамит вырос, детские мечты и забавы остались в прошлом. Едва ли они найдут, о чем говорить, а возможно, и не узнают друг друга.

Между тем Хетес прошел в тот конец пристани, где покачивались построенные из иноземной сосны и выкрашенные в небесно-синий или изумрудно-зеленый цвет суда, принадлежавшие богатым, чаще заезжим людям. За главной мачтой, как правило, располагалась каюта, огороженная красиво сплетенными циновками. Хетес не раз воображал, как отдыхает в такой каюте, и не один, а со страстной красавицей, чья кожа подобна шелку, а объятия жгут огнем,

в то время как корабль медленно скользит по сверкающим от лунного света волнам ночного Нила.

Молодой человек подумал о женщине, которая прогуливалась в базарной толпе вместе с Тией. Она была еще молода и красива и завораживала взглядом, походкой, голосом. Кажется, она обратила на него внимание! Вот бы встретиться с ней тайком! Неважно, что она наложница властного и высокомерного Анхора.

Отец Хетеса желал, чтобы его сын тоже стал лекарем, научился готовить болеутоляющие, заживляющие и слабительные лекарства, а также делать операции, которые зачастую приносили больше вреда, чем пользы. Слушая его наставления, юноша зевал во весь рот. Когда Хетес спросил Бату, возможно ли применять иные средства, чем те, что использовались веками, тот строго ответил, что на свете существует только то, что записано в старинных книгах, а о новом не стоит и помышлять. Между тем сын видел, что порой отец не знает, как и чем лечить своих пациентов, и с важным видом прописывает им бесполезные отвары и настойки в надежде на милость богов. Уже не раз Хетес ловил себя на желании уехать в большой город, например, в Фивы, где было больше возможностей отыскать свое истинное предназначение.

Юноша стоял на краю причала и мечтал, как вдруг увидел проплывавший мимо папирусный челн, в котором стоял человек с длинным шестом в руках. Он был юн, не старше Хетеса, и выглядел как бедняк, но при этом на его груди сверкало золотое украшение. Сын лекаря напряг зрение. На редкость богато выглядевшая пектораль необыкновенно красиво смотрелась на загорелой коже и удивительно шла к золотистым глазам юноши.

Хетес замер. Что-то подсказывало, что он знает этого человека. Прошло не меньше пяти-шести лет... Нет, не может быть! Его сердце резанула зависть. Презренный мальчишка не сгнил в болотах, он подрос и осмелился явиться в Эффе, да еще в золотом ожерелье, какие носят знатные и состоятельные люди, военачальники и едва ли не сам фараон! Хетес не вытерпел и побежал на берег. Дождался, когда Тамит привяжет лодку и выйдет на сушу, встал перед ним и произнес с неприкрытой враждебностью:

— Откуда ты взялся? Зачем сюда приплыл? Разве тебе позволено появляться в Эффе? И что это за штука у тебя на груди? Откуда ты ее взял? Украл?

— А тебе какое дело?

Тамит подошел ближе, и Хетес с удивлением заметил, что юноша может померяться с ним и ростом, и шириной плеч. Хетес вспомнил, как мальчишка с болот некогда победил его в драке, и на всякий случай отступил на шаг; при этом он пожирал украшение глазами. Даже ребенку известно, что амулеты из золота — самые действенные на свете, они отпугивают врагов, охраняют жизнь, возвышают человека над остальными смертными. А все потому, что золото — царь металлов и металл богов. Затвердевший луч солнца. Плоть бессмертных.

Тамит подумал о том, что, пожалуй, зря надел пектораль. Собираясь в путь, юноша решил, что амулет придаст ему уверенности в себе, а оказалось, он привлекал нежелательное внимание таких людей, как этот злой и высокомерный парень. А еще... еще он надеялся, что, быть может, случайно встретит на пристани Тию и она увидит его в необычном украшении, какие носят те, кто принадлежит к высшему миру.

— Просто я подумал, что ты кого-то ищешь. Хочу предупредить, что если ты украл эту вещь, тебя могут бросить в тюрьму! — примирительно произнес Хетес.

— Я никого не ищу. Я приехал сюда по делам. И украшение не украл, а нашел, — спокойно проговорил юноша.

— Значит, оно не твое! Ты должен найти хозяина и вернуть ему эту вещь.

— Когда найду — верну, — пообещал Тамит и спросил: — Теперь я могу идти?

В его тоне сквозила насмешка, и Хетес это почувствовал.

— Если ты надеешься увидеть Тию, дочь писца Анхора, то знай: она уже не живет в Эффе. Два года назад ее отца перевели в другой ном, — с подчеркнутой небрежностью бросил он и внимательно посмотрел на собеседника.

Хетес обрадовался, увидев, как лицо Тамита исказилось от разочарования и боли, а яркие глаза потускнели. Сын лекаря Баты не любил ни дочь писца, ни мальчишку с болот и был рад им насолить. Тамит понял бессмысленность своей затеи и решил, что зря обманул отца, когда сказал, что поедет в другое место, а сам отправился в Эффе. А Хетес, увидев, как глупый простолюдин забирается обратно в лодку и отчаливает от берега, едва сдержал торжествующую усмешку. Он бы не стал столь безоглядно доверять чужим словам! Хетес вздохнул с облегчением. Когда он стоял лицом к лицу с Тамитом, ему почудилось, что мальчишка с болот много выше его по рождению, ибо в осанке и взгляде юноши было нечто такое, что не находило объяснения: гордое спокойствие, тень превосходства. Сын лекаря досадливо тряхнул головой. Виной всему эта сверкающая штука! Вот бы узнать, откуда простолюдин ее взял?! Но Хетес решил пока никому не рассказывать об этой странной встрече.

Глава седьмая

Наступила пора сбора винограда, в чем принимали участие все женщины, время, когда Тия всегда ощущала душевный подъем. Ей нравились многолюдье и суета во дворе их чинного дома, нравилось расхаживать под сводами виноградных лоз и осторожно срывать тяжелые гроздья, постепенно наполняя ими корзины из пальмовых листьев. Она любила по-приятельски болтать с молодыми служанками, особенно когда этого не видела мать, с удовольствием слушала их рассказы и песни. Небет обычно присматривала за рабынями, которые приносили полные корзины к большому чану, стоявшему в пивоварне, и строго отчитывала тех, кто умудрился раздавить ягоды и потерять драгоценный сок.

Для хозяйской дочери сбор урожая был скорее развлечением, чем работой. Тия предвкушала, как будет любоваться пронизанными солнцем упругими ягодами, игрой солнечных бликов на глянцевах листьях, растирать пальцами восковой налет, наслаждаться ароматом прозрачного липкого сока и думать о том, как неповторима и прекрасна жизнь.

Эте, робкая и тихая подруга детства, приходила помогать; девушки переодевались в простую одежду, повязывали волосы платками, снимали обувь, брали в руки корзины, становились рядом со служанками и... ощущали себя удивительно счастливыми и свободными. Как правило, в такие дни Анхор пропадал в полях, подсчитывая урожай зерновых, — отчего всем дышалось еще привольнее и легче.

Обычно Харуя работала вместе с ними, весело болтая, как беззаботная девчонка. Но сегодня отцовская наложница выглядела встревоженной, молчаливой. Сначала Тия пыталась ее разговорить, а потом оставила в покое. Возможно, женщина устала от забот с мальчишками? В отличие от спокойного, рассудительного Тимеса, сыновья Харуи росли сорванцами и порой приводили свою мать в отчаяние. Когда корзины были почти полны, молодая женщина неожиданно остановилась и сдавленно произнесла:

— Что-то я себя неважно чувствую...

Она старалась не смотреть на девушек, однако Тия заметила, что в темно-карих глазах Харуи то вспыхивали, то гасли золотистые точки, лицо покрывали красные пятна, а грудь вздымалась от частого, неровного дыхания.

— Иди в дом, приляг и отдохни, — участливо произнесла Тия. — Я отнесу твою корзину. Харуя не стала отказываться, поставила корзину на землю и скрылась за стеной зелени.

— Что это с ней? — несмело спросила Эте.

Тия пожала плечами.

— Возможно, она ждет ребенка?

Дочь писца заметила, что подруга покраснела. Сама Тия не испытывала неловкости, когда говорила о тайнах пола. Как любая египтянка, она с детства привыкла видеть тела людей в том виде, в каком их создала природа, и наслушалась болтовни служанок о таких естественных состояниях, как ежемесячное женское недомогание, беременность и роды. Девушки не спеша переходили от куста к кусту, болтая о том о сем. Стояла жара, платья пропитались потом, а руки стали липкими от виноградного сока. Они так увлеклись работой, что не заметили, как изумрудно-зеленая листва сделалась темной, а на небе начали загораться звезды. Тия устало распрямила плечи и потянулась всем телом, изогнувшись, как тетива лука. Она собиралась что-то сказать, но в это время раздался пронзительный детский плач.

Навстречу, не чуя под собой ног, неся Айрис, младший сынишка Харуи; он отчаянно тряс окровавленной рукой. Тия бросилась на помощь.

— Что случилось?

— Я поранился!

Вероятно, мальчик решил поиграть с одним из ножей, которыми взрослые обрезали кисти винограда. Царапина была довольно глубокой, и глаза ребенка расширились от страха.

— Где твоя мать?! — воскликнула Тия.

Мальчик захныкал.

— Не знаю!

Тия побежала в дом за повязкой. Она быстро нашла чистую ткань, отрезала длинную полосу, забинтовала Айрису руку и принялась утешать брата. Девушка не заметила, как перед ними выросла статная фигура Небет.

— Где Харуя?

— Она пошла в дом, — сказала Тия и выпрямилась. Что-то удержало ее от признания, что Харуя бросила работу еще днем.

— Ее там нет, — ответила Небет и поджала губы.

Тия пожала плечами. Она не успела ответить — на дорожке появилась запыхавшаяся Харуя.

— Айрис! Что с ним?

— Он поранил руку ножом, — пояснила девушка.

Тие показалось, что Харуя прибежала не с той стороны, с какой они могли ожидать ее появления, но, похоже, мать не обратила на это внимания. А еще девушку удивил странный вид отцовской наложницы, которая словно только что пробудилась от долгого сна и с трудом возвращалась в реальность. Ее волосы растрепались, а одежда была измята. Тия предположила, что молодая женщина вошла в сад через заднюю калитку. Где же она была и что делала все это время?

Харуя присела на корточки и принялась успокаивать ребенка. Хотя в голосе отцовской наложницы звучала глубокая и искренняя материнская нежность, Тия не могла отделаться от ощущения, что мысли молодой женщины далеки от действительности.

Когда муж вернулся домой, Небет пожаловалась ему на Харую, сказав, что та не следит за детьми. Это случилось во время ужина. Едва ли отец придавал большое значение словам Небет; он ограничился тем, что рассеянно кивнул, но Тия заметила, что Харуя смотрит на своего господина испуганным, пожалуй, даже затравленным взглядом, как те крестьяне, которых Анхор приказывал бросать на землю и бить палками. Тие почудилось, будто Харуя чувствует вину за те поступки, о которых отец не знает, или за те, какие она только надумала совершить. После ужина, когда женщины убрали посуду, девушка случайно обнаружила наложницу отца в оплетенной зеленью беседке. Она не поняла, от кого укрылась Харуя и почему она всхлипывает, закрыв лицо руками.

— Почему ты плачешь? — тревожно промолвила Тия. — Ты испугалась за Айрису?

— Да! — надрывно произнесла Харуя.

Тие почудилось, что женщина лжет, но она предпочла ничего не говорить. Сердце каждого человека — кладезь тайн, многие из которых будут раскрыты лишь во время Последнего суда перед очами Осириса[1].

— Я чувствую себя виноватой. Стоило мне отлучиться, как с моим ребенком случилось нечто ужасное. Боги хотят меня наказать! — добавила Харуя.

Тия пожала плечами.

— За что им тебя наказывать? Ничего страшного не произошло. Я перевязала Айрису руку. К тому же рядом была моя мать и другие женщины.

Харуя взяла теплую и мягкую ладонь Тии в свою, дрожащую и холодную, и призналась:

— Я не рада, что мы переехали в Эффе. Фивы — великий город. Живя в нем, я могла утешаться надеждой на то, что моя судьба может измениться. А здесь?

Встревоженная неожиданной переменой разговора, Тия удивленно смотрела на Харую. Ей не приходило в голову, что наложница отца может быть недовольна своей долей.

— Я думала, все мы давно смирились с тем, что навсегда останемся в Эффе, — осторожно произнесла девушка.

Молодая женщина усмехнулась и вытерла слезы.

— Навсегда? Только не ты, Тия, — заметила она. — Ты еще очень молода, и только боги знают, как сложится твоя жизнь. Думаю, со временем ты окажешься в Фивах или в другом большом городе.

Дочь писца пожала плечами.

— Каким образом?

Харуя лукаво улыбнулась.

— Очень просто. Ты слишком красива, чтобы родители могли позволить тебе осчастливить пусть даже богатого и уважаемого провинциала. — И серьезно добавила: — Не знаю, что твой отец думает по поводу моих сыновей, но судьба Тимеса давно решена. Он вернется в большой мир и получит все, что боги отняли у Анхора. А ты поможешь ему проложить этот путь.

— Откуда ты знаешь? Ты что-нибудь слышала?

Внезапно Тие почудилось, будто приоткрылась неведомая дверь, откуда повеяло холодом и пахло чем-то неизведанным и тревожным.

— Об этом нетрудно догадаться. К несчастью, мы живем в мире, где все предсказуемо.

— Фивы далеко, — заметила Тия. — Кто из жителей столицы поедет свататься к дочери провинциального писца?

— Эффе стоит на перекрестке торговых путей, здесь останавливаются самые разные люди, — сказала Харуя и устало закончила: — Уже поздно. Пойдем спать.

Тия согласно кивнула, хотя ей хотелось поговорить. Молодая женщина не сказала ей чего-то главного; чувствуя это, девушка ощущала легкую обиду. Скорее всего, мысли и желания Харуи еще не оформились, не созрели и она сама не знает, чего желает и боится. Возможно, она понапрасну мучится бесцельным томлением?

Девушка прошла в свою комнату. Она долго не могла заснуть и смотрела в раскрытое окно. Тия любила таинственное ночное небо, мерцающие волшебным огнем звезды, которые видят далекое прошлое и будущее на тысячи лет вперед. Где-то там, в огромном перевернутом темном колодце, куда невидимая рука бросила пригоршню сверкающих зерен, сокрыта ее судьба! Куда проще было в древние времена, когда мир был един, боги жили среди людей, земля не отделялась от небес, а живые — от мертвых. Когда все были счастливы и никто не боялся будущего. Теперь все иначе. Человеческая душа напрасно тянется к небу в надежде узнать, что ее ждет! В судьбе каждого из смертных существуют ложные ходы и ловушки, подобные тем, какие устроены в гробницах царей.

Тия тревожно вздохнула. Как узнать, что задумал отец? Хотя она достигла брачного возраста, Анхор ни разу не заговаривал о ее замужестве. Она и думать не думала, что он вынашивает какие-то особые планы! Неожиданно для себя Тия снова вспомнила о Тамите, мальчике с болот, который играл в фараонов. Только с ним она ощущала себя самой собой, только с ним могла примерять на себя чужую судьбу так же легко, как примеряла одежду. Где он сейчас? Доведется ли им когда-нибудь встретиться?

[1] В древнеегипетской мифологии — бог, покровитель и судья мертвых.

Глава восьмая

Последующие дни были ясны и безмятежны. Женщины продолжали работать на сборе винограда. Труд отвлекал от тревог; при взгляде в высокое и чистое небо поневоле рождались мысли о грядущем счастье, о невидимом путешествии навстречу новой прекрасной жизни. Харуя работала рядом с Тией и Эте, по-прежнему немногословная и строгая. Когда девушка пыталась заговорить с отцовской наложницей, та отвечала рассеянno и неохотно. Порой Харую нельзя было отыскать ни в саду, ни в доме — она будто где-то пряталась или куда-то убегала, и — Тия удивлялась, почему до сих пор никто ничего не заподозрил. Впрочем, отец целыми днями пропадал в городе, а у матери было довольно дел в пекарне, давяльне и кухне. За младшими детьми присматривали служанки.

Все прояснилось, когда сбор винограда уже закончился и к Тие неожиданно пожаловала Эте. Дочь писца сразу поняла, что подруга пришла неспроста, и спустя несколько минут прямо спросила:

— Что ты хочешь сказать?

— Нечто важное. — Эте опустила ресницы и неловко теребила подол платья. — Дело в том, что... Харуя встречается с мужчиной.

— Не может быть! — воскликнула Тия. — Откуда ты знаешь? Неужели это правда?!

Вопрос был лишним. Скромная, тихая, незаметная, как тень Эте никогда не призналась бы в том, в чем не была до конца уверена.

— Харуя часто пробегала мимо нашего двора в сторону реки. Я не знала, куда она торопится, и не подозревала ничего плохого. А вчера случайно увидела с крыши дома, как к ней подошел мужчина. Он обнял ее, и они скрылись в зарослях.

— Они тебя заметили?

— Нет.

— Кто это был? — взволнованно спросила Тия.

— Я его не узнала.

Девушке почудилось, что подруга лжет. Впрочем, это не имело значения. Главное — уговорить Эте молчать.

— Ты никому не скажешь?

Эте вскинула испуганный взор.

— Конечно, нет!

Тия сжала ее руку.

— Спасибо.

Вероятно, в тот вечер, когда Айрис поранил руку, Харуя тоже бегала на свидание. По всей видимости, боги повредили ее рассудок! Если отец узнает, Харую ждет страшное наказание, а всю их семью — позор и людские насмешки! Несколько дней Тия присматривалась к наложнице отца, не решаясь завести разговор, а потом решила, что надо не говорить, а действовать.

Девушка задумала узнать, с кем встречается Харуя. Она долго следила за наложницей отца и пришла к выводу, что, несмотря на свое безрассудство и неслыханность проступка, Харуя ведет себя весьма осторожно. Как правило, молодая женщина убегала в самое пекло, когда другие обитатели дома укрывались в своих комнатах, а дети спали, и успевала вовремя вернуться обратно. Однажды Тие удалось поймать момент, когда Харуя выскользнула из дома и прокралась к задней калитке сада. Девушка отправилась за ней.

Тия шла по узким и пыльным улочкам, на которых в этот час не было ни души. Сейчас Эффе казался ей унылым, выжженным солнцем городишком, убогим пристанищем изгнанных и неудачливых людей.

Харуя миновала площадь и спустилась к реке. К счастью, она торопилась и не оглядывалась, поэтому Тия шла без опаски и легко поспевала за ней. Молодая женщина ступила на неприметную тропинку, выющуюся среди зарослей тростника. Было заметно, что она много раз пробиралась этим путем. Тия двигалась следом за Харуей, стараясь не упустить ее из виду. Стебли тростника были широкими и твердыми, как сабли, они плохо гнулись и сильно шуршали, отчего Тие казалось, что Харуя вот-вот обнаружит ее присутствие. Однако молодая женщина была поглощена мыслями о предстоящем свидании и ничего не замечала.

Когда на тропинке внезапно появилась мужская фигура, Тия едва не вскрикнула от неожиданности. Вовремя прикрыв рот рукой, она присела в надежде, что ее не заметят. Осторожно раздвинув стебли, она старалась разглядеть спутника Харуи. Дочь писца узнала любовника наложницы. Красивое лицо, черные волосы, стройное смуглое тело. Уже не подросток, но еще не взрослый мужчина. Тия сжала пальцы и до боли прикусила губу. Это был... Хетес!

— Я думал, что сойду с ума! Не заставляй меня ждать так долго! — развязно произнес молодой человек.

— Идем скорее! У меня, как всегда, мало времени! — взволнованно ответила Харуя.

Хетес обнял женщину и принялся осыпать ее лицо и шею жадными поцелуями, похожими на укусы. Тия зажмурилась; перед глазами заплескали красные и зеленые пятна. Подняв веки, она увидела, как Хетес спустил с округлых плеч Харуи узкие лямки льняного платья и приник губами к ее налитой груди. Молодая женщина запрокинула голову, открыла рот и принялась хватать губами раскаленный воздух. В этот миг она выглядела беспомощной, как выброшенная на берег рыба. Они не подозревали, что их могут увидеть, и вели себя вызывающе, бесстыдно. Оторвавшись от груди женщины, Хетес обнял Харую за талию и повел в глубину зарослей; при этом оба пошатывались, словно пьяные.

Лицо Тии горело, колени подгибались, руки дрожали. Больше ей здесь нечего делать, пора возвращаться обратно. Она все поняла, хотя на самом деле... ничего не понимала. Харуя — взрослая женщина, наложница уважаемого человека, мать двоих детей. Хетес — подловатый, избалованный мальчишка, для которого жизнь — игра, а любой человек — игрушка.

В это время из зарослей донесся стон, и Тия, не раздумывая, бросилась туда. Кто знает, чего ждать от Хетеса! Она сделала несколько шагов и приподнялась на цыпочки. Впереди виднелось вытоптанное пространство, нечто вроде поляны, должно быть, издавна служившей любовникам местом укрытия. Тия давно знала о том, что порой случается, когда мужчина и женщина остаются наедине, но впервые увидела, как это происходит на самом деле. Тонкое платье Харуи собралось на талии, а Хетес был полностью обнажен. Они лежали на жесткой траве и обнимали друг друга. Внезапно молодой человек развел ноги женщины в стороны, навалился на нее всем телом и принялся энергично двигаться. Тия едва не вскрикнула. Ей казалось, что Хетес совершает что-то безжалостное, непристойное и грубое, обращается с Харуей как с животным, однако, похоже, женщине это нравилось. Она впивалась в спину юноши ногтями, извивалась всем телом и сладко стонала.

Тию охватил жаркий стыд и еще какое-то, доселе неведомое ей, чувство. Она хотела заплакать и убежать, но продолжала оставаться на месте, ибо перед ней открылось завораживающее, загадочное, запретное действие. Наблюдая за ним, Тия чувствовала, как внутри ее существа напряглась и дрожит некая таинственная струна.

Наконец Хетес опрокинулся на спину и растянулся рядом с Харуей. Оба тяжело дышали, приходя в себя, и не пытались прикрыться и отодвинуться друг от друга. Солнце ярко освещало их тела, все еще вздрагивающие от страсти. Эти тела были красивы, но в их красоте Тие чудилось нечто гадкое, она ощущала себя так, будто ей в руки дали безупречный снаружи, а изнутри — разрушенный гнилью плод.

Тия попятилась и медленно побрела к началу тропинки. Сердце колотилось как бешеное, перед глазами золотились мелкие звездочки. Дочь писца дошла до края тропы и остановилась.

Она должна поговорить с отцовской наложницей, пока в душе не зародились сомнения, не остыли возмущение, досада и стыд. Вскоре молодая женщина появилась на тропинке. Она очень спешила и не глядела по сторонам. Ее волосы спутались, взгляд был затуманен страстью, а губы распухли от поцелуев. Увидев Тию, Харуя резко остановилась, будто налетела на стену.

— Что ты здесь делаешь? — прошептала она.

— Жду тебя, — ответила девушка и призналась: — Я все видела.

Тия успела успокоиться, прийти в себя и смотрела на Харуя с холодным и безжалостным осуждением. Ей казалось, что она никогда не сможет дотронуться до руки этой женщины, женщины, плоть и душу которой осквернил разврат. Харуя глубоко вздохнула и сникла. Внезапно ее красота поблекла, как будто вылиняла на ярком солнце.

— Расскажешь отцу?

— Нет. Я просто хочу понять.

— Что именно?

— Зачем ты это делаешь? Во имя чего рискуешь собой и почему связалась с Хетесом?!

Харуя опустила глаза.

— Ты еще очень молода, Тия, и едва ли поймешь! Знаю, мне рано думать о той стране, куда никто не может унести нажитое добро и откуда не возвращаются, и все-таки иногда мне становится страшно. Я считаю, что нужно брать от жизни все прекрасное, что она может дать, потому что в другом мире такие радости невозможны.

— О чем ты? — удивилась Тия.

Она не могла представить, что могло быть прекрасного в бесстыдном совокуплении Харуи с этим жестоким мальчишкой. Молодая женщина уставилась в землю.

— Я уже говорила, что Анхор взял меня в свой дом, когда я едва вышла из детского возраста. Я не любила твоего отца и никогда не испытывала радости от его ласк. Слушалась твою мать, всегда вела себя как положено, не смела ни поглядеть в сторону, ни вымолвить лишнее слово. Я никогда не была женщиной, всегда — только вещью.

Тия молчала, и Харуя продолжила:

— Нам все время твердят, что установленный богами порядок человеческого общества нерушим, но ведь наши сердца не каменные! Что с того, если я, обыкновенная женщина, нарушу некоторые правила? Надеюсь, боги будут милостивы ко мне.

Тия долго смотрела на отцовскую наложницу, смотрела с невольной жалостью, недоумением и тревогой, потом разомкнула непослушные губы и промолвила:

— Боги — быть может, но только не Хетес. Неужели ты его любишь и веришь в то, что он любит тебя?!

Молодая женщина покраснела.

— Не знаю. Он такой юный и пылкий, мне с ним хорошо.

По дороге Харуя рассказала, как все началось. Когда Хетес приходил в дом Анхора по поручению своего отца, то всегда старался встретиться с ней взглядом, и этот взгляд был красноречивее всяких слов. Однажды, когда молодая женщина шла с рынка, Хетес заговорил с ней; его речи были смелы и вместе с тем лстивы. В тот раз Харуя не дослушала юношу и поспешила домой. Однако его слова заронили в ее сердце каплю яда, которая растеклась по телу, отравила душу и мысли. Хетес был красив, и Харуя воображала себя юной девушкой, в которую мог бы влюбиться такой юноша.

— Я видела свое отражение в его глазах, и он нравился мне все больше и больше, — призналась молодая женщина.

Потом они увиделись снова; Хетес преподнес Харуе небольшой подарок и сказал, что изнывает от желания и любви. Молодая женщина потеряла голову. Она согласилась прийти на берег поздним вечером. Хетес ждал и овладел ею с безудержной юношеской пылкостью. Харуя хотела, но не смогла сопротивляться.

— Я ощутила себя человеком, который пил одну лишь воду и вдруг попробовал меда, — призналась она Тие. — Впервые в жизни я поняла, что мне есть чему радоваться.

С тех пор Харуя бегала на свидания подобно девчонке и наслаждалась любовной игрой. Она все понимала — умом, но безудержное влечение, влечение плоти и сердца приглушало чувство опасности.

— Неужели ты не знаешь, что Хетес — ненадежный человек, он первым разболтает о том, что происходит! — воскликнула Тия.

— Зачем ему это делать?

Девушка пожала плечами.

— Не знаю. Просто ему нельзя доверять.

Они подошли к дому. Горячий воздух обжигал тело, глаза ослепляло яркое солнце. Задняя калитка была приоткрыта, а за ней Тию и Харую поджидала Небет. Харуя сразу обмякла, лишилась сил и смотрела так, будто встретила свою смерть. Повинуясь бессознательному порыву, Тия заслонила ее собой. В темных глазах Небет промелькнула тень подозрения.

— Где вы бродите? Почему ушли, никого не предупредив?

Сердце неистово забилося в груди, его упругие, раскатыстые удары мешали собраться с мыслями. Тем не менее голос Тии прозвучал спокойно и твердо:

— Харуя попросила помочь поискать ее кошку. Кто-то забыл закрыть калитку, и Типи убежала.

— Вы ее нашли?

— Да.

— И где же она?

Тия мучительно соображала, что ответить, но Харуя неожиданно пришла на помощь.

— Мы отнесли кошку домой. А потом заметили, что с ее шеи пропал ошейник, и вернулись. — И тут же добавила: — Однако мы так и не сумели его найти.

Небет впустила их в калитку и крепко закрыла засов. Она ограничилась тем, что сказала:

— В следующий раз не уходите без спросу.

Тия шла по дорожке сада, чувствуя, как подгибаются ноги. Вероятно, Харуя ощущала то же самое. Молодая женщина незаметно поймала руку девушки и сжала в своей. Тия ответила тем же. Она уже позабыла о том, что обещала себе никогда не дотрагиваться до Харуи. Когда Небет удалилась, наложница писца Анхора произнесла с горячим и искренним чувством:

— Спасибо, Тия!

Та покачала головой. Она хорошо помнила украшенную цветными камушками металлическую штуку на шее кошки.

— А как же ошейник?

— Два дня назад у ошейника сломался замок и я собиралась отдать его в починку. Теперь я просто выброшу ошейник и скажу всем, что он потерялся, — сказала Харуя.

Она пришла в себя, лицо разрумянилось, в глазах плясали веселые искры. Напряжение схлынуло, и Тия облегченно рассмеялась. Она не задумывалась, хорошо ли радоваться тому, что ей удалось обвести вокруг пальца женщину, которая произвела ее на свет, как не хотела сознаваться в том, что ослушница Харуя нравилась ей гораздо больше родной матери, всегда бывшей для всех образцом разумных суждений и правильных поступков. Наложница писца Анхора и его дочь смотрели друг на друга как две заговорщицы. Они забыли о том, что судьбу обмануть невозможно.

Глава девятая

И прадед, и дед, и отец Анхора были писцами. Каждый из них стремился превзойти своего предка, но это не всегда удавалось. Зато все они сумели вселить в сердце своих сыновей мечту о покорении невидимой вершины.

— Боги не могут дать всего, о чем грезит человек, а тем более сразу, — наставлял Анхора его отец. — Каждый день — это ступенька лестницы, ведущей в небеса, любой поступок — кирпич, из которого строится пирамида жизненного успеха. В твоей судьбе не должно быть пустых дней и плохо сложенных кирпичей.

Деревянная палитра с прорезью для хранения кистей и углублением для чернил, пенал с тростниковыми перьями, кусок полотна с завернутым в него папирусом, горшочек с водой для разведения краски — Анхору казалось, будто он познакомился с этими предметами прежде, чем произнес первое слово. Столь же рано мальчик усвоил мнение о превосходстве писца над людьми других занятий. Он был способным и прилежным, усердно предавался делу и не замечал ничего вокруг. Редкий день юноша проводил как-то иначе, чем сидя на корточках, с пером и папирусом в руках. Когда пришел срок, он женился на девушке, которую выбрали родители. Когда на свет появилась дочь, а потом сын, радовался здоровому потомству, которое подарили боги.

Вскоре Анхор получил предложение, от которого невозможно было отказаться. Оно исходило от человека по имени Мериб, архитектора, строившего частные гробницы. Его заказчиками были состоятельные люди, он имел безупречную репутацию и солидный доход и жил в центральной части Фив в большом красивом доме. В обязанности Анхора входила подробнейшая отчетность: сколько строительного материала было добыто там-то и там-то, какие рабы куплены у того-то и того-то и каким образом это было использовано. Анхор записывал все, ибо впитал с молоком матери следующее знание: «Чего нельзя написать на бумаге, просто не существует». Он не обращал внимания ни на солнце, на котором, казалось, поджаривались мозги, ни на обжигающий ветер, ни на душную, забивающую горло пыль и без конца сновал взад-вперед, неутомимый, как муравей.

Кое-какие работы архитектор поручал своему помощнику Джедхору, хитроватому и недоброму человеку, к которому относился с большим снисхождением, потому что тот был его молочным братом. Иногда Джедхор предоставлял Анхору сведения, которые было сложно проверить, вносил в отчет, который затем передавался заказчикам, некие дополнительные расходы. Писец не придавал этому большого значения, ибо всецело доверял Мерибу, а значит, и человеку, считавшемуся правой рукой архитектора.

У Анхора было много забот, к тому же писца настигла любовная лихорадка, болезнь, избежать которой не суждено никому из смертных. Проезжая мимо поселения рабочих возле Города мертвых, он увидел молоденькую девушку, едва прикрытое ветхой тканью тело которой сверкало на солнце подобно полированному мрамору, девушку с большими, полными тайны глазами и мягкими, как у кошки, движениями.

Испугавшись его пристального взгляда, незнакомка скрылась среди убогих хижин, а Анхор подумал, не порождено ли это видение знойным ветром пустыни? Девушка показалась ему такой живой на фоне безмолвного серого камня, ее красота такой яркой среди унылых песков, что он потерял покой. Недаром говорится: как без воды нельзя развести краски, так без любви невозможно познать ни истинного горя, ни величайшего счастья! Человек может утверждать, что никогда не будет сражен любовной страстью, но она подкрадется к нему и ужалит, как змея, или настигнет и свалит с ног подобно песчаной буре.

Анхор знал: в том мире, где жила бедная девушка, все проблемы решают деньги. Ему не составило труда отыскать юную красавицу и ее родителей. Девушку звали Харуя, и писец

пожелал взять ее в наложницы. Родные девушки пришли в восторг от предложения Анхора, но возникло неожиданное препятствие — Небет. Писец женился на этой женщине по расчету, и она тоже вышла за него без любви. Однако она была его законной супругой, происходила из уважаемой семьи, родила ему детей и заслужила право высказывать свое мнение. Небет возражала против того, чтобы Анхор брал в дом другую женщину.

Писец призадумался. Меньше всего он желал раздора в семье. В кои-то годы он мечтал сполна насладиться спокойствием и роскошью своего дома, женской нежностью и любовью. Анхор все-таки сделал девушку своей наложницей и велел ей выполнять все приказы Небет. Но надежда сполна вкусить плоды неожиданной страсти не оправдалась: Харуя его не любила. Разумеется, ей пришлось покориться, она родила Анхору двоих сыновей. Со временем девушка преодолела свойственное ее сословию невежество; красота Харуи расцвела, как расцветает пальма под благодатным солнцем. Юная наложница научилась одеваться, следить за волосами, лицом и телом, и все же Анхору постоянно казалось, будто он держит в руках драгоценную шкатулку, ключ от которой навсегда поглотили воды священного Нила.

А после пришла беда. Один из заказчиков Мериба заподозрил неладное, предъявил архитектору претензии в том, что расходы сильно завышены, и подал на него в суд. Богиня истины Маат была неумолима: судья решил, что бумаги содержат приписки, и велел передать дело в ведомство фараона. В последний момент Мериб во всем обвинил Анхора, сказав, тот составлял отчеты без его ведома, а он лишь ставил на них свою подпись. Подобные деяния карались отрубанием руки. Анхор подозревал, что приписки лежат на совести Джедхора, что Мериб обо всем догадался и решил выгородить своего помощника. К счастью, суд не нашел достаточных доказательств вины Анхора, но репутация писца была непоправимо испорчена. В конце концов его сослали в ном Черного быка, в город Эффе. Несчастному пришлось лишиться большей части своего имущества, а главное — надежды на возвращение в город великого Амона. Мериб потерял несколько выгодных заказов, но в целом его положение не пострадало.

Поплатившийся за свою доверчивость Анхор не таил обиды на архитектора — каждый, кто родился под солнцем, живет и спасается, как может! — однако его беспрестанно терзала досада. Пусть его дни скоро начнут клониться к закату, но дети... Старший сын Тимес был способным и прилежным мальчиком, а единственная дочь Тия обещала стать редкой красавицей.

Харуя была права, когда говорила, что ее господин по-прежнему лелеет призрачные надежды на то, что когда-нибудь колесо судьбы покатится в противоположную сторону и, если не ему, то по крайней мере, его потомкам улыбнется удача. Большинству людей нелегко существовать с сознанием того, что их выбросили на обочину жизни, а еще труднее — умирать; особенно тем, кто познал вкус почета и власти, кто ощутил на своей брэнной ладони вес золота, которое не разрушается и не тускнеет от времени.

Анхор возвращался домой в сумерках. У писца было много работы, но он не огорчался: если ум и руки человека заняты, ему не грозит голод и горькая слава бездельника. Анхор успел заслужить уважение жителей городка неутомимым трудолюбием и неподкупной честностью; его почтительно приветствовали, приглашали в гости, у него спрашивали совета самые влиятельные и богатые в Эффе люди. В Фивах такое было невозможно, там он навсегда остался бы одним из многих.

По прошествии шести лет воспоминания о столице напоминали сон. Иногда Анхору чудилось, будто он никогда не видел, как величественные треугольники пирамид сверкают под лучами солнца, как играют красками выстроенные вдоль берегов Нила храмы, как зеленеют покрытые мирровыми деревьями террасы, как копошатся напоминающие маленьких черных муравьев рабочие, занятые на строительстве гигантских сооружений, возводимых по прихоти божественного фараона. Анхор смирился со своей участью. При этом ему очень хотелось, чтобы судьба его детей сложилась иначе.

Размышления писца прервал местный ювелир, которого звали Мена. Мужчины остановились и раскланялись, а после Мена смущенно произнес:

— Не хочется об этом говорить, но я должен, ибо слухи разлетаются быстрее, чем выпущенные на волю птицы. Вчера я пришел домой раньше времени и случайно услышал разговор своего старшего сына с его приятелем Хетесом. Ты знаешь этого юношу?

— Он сын лекаря Баты, к которому я часто обращался, — спокойно ответил Анхор.

Мена нервно облизал губы и, собравшись с духом, промолвил:

— Хетес хвалился моему сыну, будто тайно встречается с твоей женщиной, Харуей. Мальчишки думали, что их никто не слышит, поэтому Хетес говорил очень громко, да еще и смеялся. Разумеется, когда он ушел, я призвал сына к ответу. Сначала он отпирался, а после сознался в том, что Хетес часто рассказывает о своих похождениях, причем не только ему. Прости, но я считаю своим долгом предупредить тебя.

Пока ювелир говорил, Анхору казалось, будто ему на голову льют кипящую смолу, а когда Мена закончил, почудилось, будто его выпотрошили живьем. Он купил Харую у ее родителей, но купить любовь женщины невозможно, поэтому Анхор довольствовался покорностью наложницы. Он никогда не думал, что Харуя может выйти из повиновения, отдаться другому мужчине. Писец постарался взять себя в руки.

— А если Хетес лжет?

— Возможно. Но в любом случае нельзя допустить, чтобы сын Баты позорил имя такого уважаемого и известного человека, как ты! — заметил Мена.

— Да, это так, — медленно произнес Анхор, глядя на ювелира невидящим взором. — Скажи, если я предъявлю обвинение Харуе и Хетесу, ты и твой сын выступите свидетелями?

Мена кивнул. На этом они расстались, и Анхор пошел домой не разбирая дороги. Ему случалось сталкиваться с предательством посторонних людей, но он никогда не думал, что самый большой удар может нанести член его семьи! В глубине души он знал, что Хетес говорил правду. В последнее время Харуя была сама не своя, хотя и старалась это скрывать. Анхор вспомнил, как Небет жаловалась на то, что молодая женщина не занимается детьми, что она часто ходит на рынок и чрезмерно увлечена косметикой и нарядами. Тогда он не придавал этому значения, поскольку не привык вникать в подобные мелочи. Писец объяснял слова Небет ее ревностью. Вот уже много месяцев Анхор не заглядывал в спальню жены; он проводил ночи только с наложницей, ибо она была красивее и моложе. Однако Харуя все чаще находила предлоги, чтобы уклониться от близости со своим господином. А писца было так много дел, что и он нередко предпочитал сон любовным утехам.

Вернувшись домой, Анхор велел жене подать ужин и медленно жевал, не понимая, что он ест. Небет молча прислуживала мужу; она всегда делала это сама, не доверяя служанкам. Харуи не было видно, и Анхор не стал спрашивать, где она и что делает.

После ужина писец отправился спать, а на следующий день не пошел на службу. Анхор собирался поговорить с Харуей, но судьба изменила его замыслы: в то утро торговец Бата отправил своего сына в дом писца с лекарством, который тот попросил изготовить. Обычно этим делом занимались слуги, но к самым важным и уважаемым людям Бата приходил сам или посылал Хетеса.

Молодой человек как ни в чем не бывало вошел в дом человека, имя которого опозорил и словом, и делом. Солнце стояло высоко над головой — торжественно сияющий, великий, безмолвный бог, способный озарить любой уголок земли, но не могущий осветить глубины человеческой души. Анхор увидел своего тайного оскорбителя с террасы дома и вернулся в комнату, где обычно занимался делами. Там, среди свитков и принадлежностей для письма, предметов, символизирующих нечто вечное и нерушимое, он ощущал себя значительным, уверенным в себе и спокойным. Когда Хетес вошел и поздоровался с хозяином дома, тот долго и пристально смотрел на него, затем произнес ровным тоном:

— Расскажи мне о том, что ты говорил сыну ювелира Мены.

Как богатые богатеют, а бедные беднеют, так с годами умножается честность совестливых людей и убывает стыд наглых и подлых. Хетес чуть заметно отшатнулся, но при этом выражение его лица осталось невозмутимым.

— Я ничего ему не говорил.

— Совсем ничего? Про себя и про... Харую?

— О чем вы? — В голосе юноши было столько неведения, что Анхор невольно усомнился в справедливости своих обвинений.

Писец собрал волю в кулак. Он не заслуживает того, чтобы над ним смеялись сопливый мальчишка и презренная женщина!

— Если ты не знаешь, я позову свою наложницу и спрошу у нее!

В глазах Хетеса промелькнула растерянность. Он знал, что женщина может испугаться и выдать их тайну. Тайну, которую он столь неосмотрительно разболтал своим приятелям! Молодому человеку было некуда отступать, и он продолжал стоять, будто пригвожденный к полу. Его тревожный взгляд скользил от предмета к предмету, при этом упорно избегая хозяйина дома. Хетесу нестерпимо хотелось повернуться и убежать, но что это даст? Тем самым он лишь подтвердит справедливость обвинений, которые предъявил ему писец.

Анхор вызвал слугу и велел привести Харую. Наложница вошла, не подозревая о том, зачем ее позвали к господину. Увидев Хетеса, молодая женщина разом побледнела и сникла. Казалось, она вот-вот лишится чувств. Писец не дал ей опомниться.

— Хетес во всем сознался. Теперь твоя очередь!

— Я вовсе не... — начал юноша, но не успел закончить. Харуя упала на колени и с такой силой прижала руки к груди, словно собиралась вырвать собственное сердце.

— Прошу, не казни моего возлюбленного!

Анхор судорожно вздохнул. Он ошибался, думая, что жизнь способна нанести роковой удар только однажды.

— Твоего... возлюбленного?!

Харуя не смотрела на своего господина — ее взгляд, полный любви, страдания и безнадежности, был устремлен на Хетеса. Молодой человек сделал шаг назад и воскликнул:

— Она лжет! Я никогда не был ее любовником!

— Был. Она не лжет, так же, как не лгут Мена и его сын, — твердо произнес Анхор. — Я призову их в свидетели, и тебя отправят в тюрьму.

— Она... она меня соблазнила! Не давала мне прохода, замучила приставаниями! Я... я не хотел! — закричал Хетес.

В глазах писца промелькнула искра презрения. Его наложница смотрела на юношу с горестным изумлением и смертельной мукой.

— Убирайся! — бросил Анхор Хетесу. — И скажи своему отцу, чтобы завтра он был здесь.

Молодого человека как ветром сдуло. Убегая, он даже не взглянул на Харую.

— Ты понимаешь, что натворила?! — прошипел Анхор. — Из-за тебя надо мной смеялись мальчишки! Ступай прочь! Я не хочу тебя видеть! И не вздумай сбежать! Теперь для тебя есть только один выход — могила.

Молодая женщина ничего не ответила. Она поднялась с колен и медленно удалилась, пошатываясь как пьяная, и, по-видимому, плохо соображая, что делает и куда идет. Лицо наложницы напоминало застывшее, лишенное мысли и взора лицо мумии.

Позднее Тия думала о том, что было бы, если б Харуя обратилась за помощью к ней. Наверняка бы поплакала, пожаловалась на предательство Хетеса, сказала, что боится гнева и наказания своего господина. Думала и приходила к одному и тому же выводу: судьба неумо-

лима, все свершилось так, как должно было свершиться. Харуя ничего никому не сказала, потому что ей не мог помочь никто. Никто и ничто, кроме вечного забвения.

Глава десятая

Тия провела день у Эте и вернулась домой только к вечеру. Подруга попросила Тию помочь пересмотреть приданое: мать Эте давно умерла, взрослых родственниц не было. Девушки так увлеклись, перебирая наряды, украшения и ткани, что не заметили, как стемнело. Дочь писца удивилась, что за ней не послали, но не придавала этому значения. Отец возвращался поздно, а матери и Харуе, видимо, было не до нее.

Над деревьями, над рекой, над домами, в той вышине, что прекраснее всего на свете, горели светлые и прозрачные, словно капли воды, звезды и сияла похожая на огромный серебряный слиток луна. Тия думала о том, как приятно ощущать шуршание мелких камушков под ногами и слышать шорох листьев над головой. А еще о том, что прежде не слишком тревожило ее душу. Сегодня Эте призналась, что отец выдает ее замуж. Она говорила об этом с волнением, но без радости или горечи и совершенно спокойно относилась к тому, что переговоры о браке велись за ее спиной.

— Что за человек твой жених, как он выглядит? — поинтересовалась Тия.

— Не знаю.

— Как же ты согласилась за него выйти? — удивилась девушка.

Эте пожала плечами.

— Отец считает, что это будет хороший брак.

— Хороший — для кого? Возможно, у твоего отца иное представление о счастье, чем у тебя, — возразила Тия.

— Наши отцы знают, что угодно богам, а боги — что лучше для нас.

Тия смотрела на подругу во все глаза.

— Скажи, Эте, ты когда-нибудь думала... о любви?

На щеках девушки вспыхнул нежный румянец, но ее ответ был полон рассудительности:

— Думала. Любовь подобна золотой песчинке, затерянной в море простого песка. Ее очень трудно найти. Любовь способна погубить человека, особенно женщину, тогда как союз с надежным мужчиной никогда не нанесет ей вреда.

Тия ничего не сказала. Вероятно, так же рассуждали ее мать и еще тысячи женщин. Наверное, они были правы, и, возможно, даже счастливы в таком браке, потому что никогда не воображали себя избранницами судьбы, возлюбленными кого-то великого и прекрасного. Тия научилась преодолевать непреодолимое, возноситься на призрачные вершины, когда играла с Тамитом. Детские стремления подросли вместе с ней, повзрослели вместе с ее душой. Она по-прежнему верила, что на свете нет ничего невозможного, что ей суждена такая любовь, перед силой и красотой которой померкнет все на свете.

Возвращаясь домой, Тия попыталась представить того, кто мог стать ее избранником. Когда она на несколько секунд закрыла глаза, перед ее мысленным взором открылся сад, полный ярких, дивных цветов. Перед ней стоял юноша, едва ли старше ее самой. Он казался таким реальным, что Тие чудилось, будто она может вложить в его ладонь свои пальцы. Он молчал, но его глаза улыбались. Он был одет в тончайший лен, его украшения поражали богатством, а фигуру окружало солнечное сияние, словно он происходил из божественного рода.

Тия не заметила, как очутилась возле своего дома. Она неслышно вошла в сад. Ей захотелось продлить волшебные мгновения приятных раздумий, и она направилась в беседку. Там было темно, стены оплела густая зелень. Виноградные лозы, будто тонкие руки неведомых существ, еле заметно покачивались в сумеречном пространстве. Войдя внутрь, Тия увидела босые ноги — они неподвижно висели в воздухе. Лица человека не было видно — оно исчезало под куполом беседки. На полу валялась огромная тростниковая корзина, из тех, куда обычно складывали собранный виноград.

Девушка медленно отступила назад, и тут ей почудилось, будто неведомая сила сжала ее горло и сковала тело. Тия поняла, что не сможет сдвинуться с места. Она хотела закричать, но язык словно прилип к гортани. Она смотрела на ноги мертвой Харуи до тех пор, пока ее не обнаружили слуги. Полубесчувственную девушку отвели домой, где ею занялась мать: намазала ее виски освежающим маслом, растерла онемелое тело Тии тканью, смоченной в горячей воде, и дала ей сонного питья.

Позднее Тия поняла, что боги не зря не позволили ей увидеть лицо отцовской наложницы после того, что она с собой сотворила. Так говорили домочадцы: «Она сделала это с собой». Никому не приходило в голову, обвинять в случившемся Хетеса или... кого-то еще. Отец Хетеса, явившийся к Анхору на следующее утро, тоже свалил все на Харую, благо та предпочла защите от обвинений вечное молчание.

— Разве ты не знаешь, на что способна развратная женщина, пожелавшая соблазнить юношу?! Прощу, пощади моего сына! — умолял Бата, склоняя перед Анхором поседевшую голову.

— Твой сын — шелудивый пес! — заявил писец. — Если хочешь, чтобы я сохранил ему жизнь, пусть навсегда убирается из города.

Лекарь горестно кивал в ответ. Ему было нечего возразить, ибо в случае прелюбодеяния закон предусматривал для мужчины и женщины одинаково суровое наказание.

Позже Тия узнала, что Хетес покинул Эффе. Она надеялась, что больше никогда не увидит этого человека. Девушка напрасно полагала, что Харуя уже наказана: в тот же день отец собрал семью и сообщил притихшим домочадцам о том, что наложница не будет похоронена как подобает: ее тело сожгут, а прах развеют над водами Нила. Сыновья Харуи были слишком малы, чтобы понимать, что означает сей приговор. Небет сочла решение мужа справедливым. А Тия ужаснулась. Она как будто заглянула в черную бездонную яму. Девушка понимала, что задумал отец. Анхор хотел, чтобы Харуя исчезла без следа, чтобы она никогда узнала, что такое вечная жизнь. Чтобы она не гуляла по Священным полям Загробного мира, а ее *ка*[1] не имел возможности соединиться с телом! Тия видела изменившееся, потемневшее лицо своего отца и побоялась о чем-либо расспрашивать его. Вместо этого обратилась к матери:

— Почему отец так поступил с Харуей?

Небет поджала губы.

— Это справедливо решение.

— Он не подумал о ее детях!

— Подумал. Анхор сказал, я воспитаю их лучше, чем это могла сделать эта презренная женщина.

У Тии опустились руки.

— Почему ее должны судить живые, ведь она уже умерла! Если Харуя виновна, пусть ее покарают на том свете.

— Твой отец лишил душу Харуи возможности оправдаться на Последнем суде и не сохранил ее тело для вечной жизни, потому что она его опозорила. Когда Анхор взял ее в свой дом, она была нищей, безродной девчонкой! Чем она ему отплатила?

Тие почудилось, будто в тоне и взоре матери сквозит едва скрываемое довольство. Анхор пренебрегал ею и возвышал Харую. Теперь ему пришлось понять, кто был золотом, а кто — медью. Девушка не выдержала и воскликнула:

— Ты радуешься тому, что Харуя умерла?!

— Я не радуюсь, — с достоинством произнесла женщина. — Просто Харуя была неблагодарной и не любила твоего отца.

— А ты, ты его любишь?

— Конечно, — ответила Небет, но Тия видела, что мать не поняла ее вопроса.

«Жена должна любить и почитать мужа. Женщина обязана вести хозяйство, рожать детей. То, чего невозможно записать, не существует», — Тия с детства помнила эти высказывания, но отныне они потеряли для нее прежнее значение.

Любовь невозможно «записать», и никто не в силах объяснить человеку смысл исполнения долга, если его сердце остается пустым. Слова, даже те, что начертаны несмываемой краской, — это просто слова, они не имеют ничего общего с настоящими живыми чувствами.

После того как тело Харуи сожгли и прах был развеян над водами Нила, Тия замкнулась в молчании. Она не пыталась чем-то занять разум и руки и ходила как во сне. Однажды ушла на берег Нила и провела там весь день, глядя на медленно текущие воды священной реки. Ее нашли и привели домой. Она снова отправилась к Нилу, и тогда ее заперли. Кончилось тем, что девушка легла на кровать в своей комнате и отвернулась к стене. Тия не отвечала на вопросы и отказывалась принимать пищу. Анхор не на шутку встревожился: он возлагал на дочь большие надежды и видел ее будущее счастливым и светлым.

Спешно вызванный лекарь посоветовал писцу оставить дочь в покое. Пусть ходит на берег, если ей так нравится. Примеры нарушения священных устоев всегда пагубно сказываются на юных душах, как и прикосновение к тайне смерти. Девушка испытала жестокое потрясение; не стоит ожидать от нее покорности и понимания того, что случилось в семье. Пусть все идет своим чередом. Она молода и со временем неминуемо вернется к прежней жизни.

Получив свободу, Тия продолжала проводить дни на берегу Нила. Она тщетно искала следы присутствия души Харуи и думала о том, что живые способны помочь лишь живым. Мертвым могут помочь только боги. Если сочтут нужным. Если захотят. Если они вообще существуют на свете.

[1] Ка – «первичная душа». Согласно верованиям древних египтян, рождалась одновременно с рождением тела и вновь объединялась с ним в момент смерти; жила в гробнице, питалась подношениями живых.

Глава одиннадцатая

Тия приходила на берег на заре, когда солнце едва начинало вставать, воды Нила напоминали серебряный щит, а купол неба был бледно-голубым. На мелководье спокойно кормились десятки птиц, а воздух был дивно чист и прозрачен. Девушка старалась укрыться от любопытных глаз в густых тростниковых зарослях, но она не могла спрятаться от своих мыслей. Она горевала о Харуе, ее страшила непредсказуемость жизни, угнетало непонимание окружающих. Жизнь течет, как река, независимая, полнокровная; она бурлит и несется вперед, унося частички времени, стирая впечатления о том, что кануло в небытие. Если время превращает в пыль даже камни, что говорить о воспоминаниях! Небет никогда не произносила имя Харуи, даже дети несчастной наложницы все реже вспоминали ее, по крайней мере, вслух. Тия не смела говорить с мальчиками об их матери, ей казалось, она может коснуться чего-то запретного или недоступного их пониманию. Что, если сыновья Харуи спросят, где сейчас их мать, отчего и как она умерла?

Со временем девушке надоело сидеть на одном месте, и она принялась бродить по берегу. Тие нравилось наблюдать за птицами, которые гнездились в зонтиках папируса, за мелкими зверушками, сновавшими в тростниковых зарослях, или юркими рыбами, что плавали в прозрачной воде. Она любила смотреть, как над рекой растворяются остатки утреннего тумана, как в воде отражается яркое солнце. Она наслаждалась ласковым прикосновением ветра, который тербил ее волосы, вдыхала терпкий запах трав. Обостренные чувства Тии откликались на малейшие изменения, происходящие в природе.

Однажды она обнаружила в зарослях папируса легкую лодочку. Лодка не была привязана; похоже, ее просто прибило к берегу. Сама не зная зачем, Тия вошла в воду, освободила челн и вывела его на открытое пространство. Затем забралась в лодку и поплыла, без шеста и весел, повинаясь течению так, как повинуются судьбе. Мимо тянулись живописные берега с небольшими пальмовыми рощами. Мелькали темные деревенские хижины, осененные тенью сикомор, акаций и тамарисков. Вдали виднелись поля, где работали люди, похожие на крохотные черные точки, и безжизненные желтые горы, замыкавшие горизонт. Когда Тия опускала руку в сверкающие прохладные струи, вода ласкала ее, согревая сердце нежностью, какую испытываешь, прикасаясь к чему-то родному и близкому. Быть может, это душа Харуи посылала ей свой безмолвный привет?

Наступил момент, когда дочь писца поняла, что очутилась далеко от знакомого берега, и ей стало страшно. Тия не могла остановить лодку, и ей было нечем править. Спустя какое-то время она заметила на берегу людей, по-видимому, крестьян, и замахала им рукой, а потом закричала, прося о помощи. Они проводили ее изумленными взглядами, но не сдвинулись с места. Вскоре Тия ощутила под ногами сырость и обнаружила, что хлипкое суденышко дало течь. Оно давно прохудилось, и хозяева, которым надоело его латать, без сожаления бросили лодочку. Тия попробовала вычерпывать воду ладонями, но это было бесполезно. Лодка начала тонуть. Девушка давно не плавала и понимала, что едва ли сумеет в одиночку добраться до берега.

Когда Тия очутилась в воде, ей почудилось, что упругие струи, будто гибкие сильные руки, тянут ее на дно. Возможно, то была Харуя, которая не желала оставаться в одиночестве? Она попыталась успокоиться и постаралась плыть. Течение увлекало ее за собой, а одежда мешала двигаться. При мысли о смерти, о погружении на вязкое дно реки у Тии появилось ощущение, будто сердце стремительно падает в бездну. Ей сделалось невыносимо страшно оттого, что она может превратиться в ничто, стать пустотой, чьим-то тускнеющим воспоминанием.

— Отпусти меня, Харуя! Я не хочу... мне еще рано умирать! — хотела воскликнуть девушка, но не смогла выдать ни слова.

Тия с тоской взглянула на берег и вдруг заметила человека. Он бежал так быстро, словно хотел догнать ветер; она не успевала следить за мельканием его длинных ног. Потом он скрылся в зарослях, а после Тия увидела, как он уверенно выводит из них лодку. Она смотрела, как он правит наперерез течению, и понимала, что нужно продержаться совсем немного. Тия барахталась из последних сил, судорожно хватая губами воздух. Когда спаситель втащил девушку в лодку, она была почти без сознания. Молодой человек осторожно уложил ее на дно челна и с силой оттолкнулся длинным шестом.

Очнувшись, Тия почувствовала легкое покалывание в ногах и руках. Сквозь сомкнутые веки проникал яркий свет. Она открыла глаза. Над ней склонилось чье-то лицо, смутно знакомое, похожее на отражение далекого воспоминания или недавнего сна. Янтарные глаза смотрели в глаза цвета изумруда.

— Тия? — нерешительно произнес он.

Она вздрогнула, еще не до конца поверив в свою догадку.

— Тамит?!

— Да, это я, — ответил юноша и улыбнулся с такой радостью, будто с него внезапно сняли некое давнее и тяжелое проклятие.

— Куда ты исчез? Почему тебя так долго не было? — В слабом голосе Тии звучали мольба и упрек.

Тамит покачал головой.

— Я приезжал в Эффе. Думал тебя найти. Но тот мальчишка, Хетес, сказал, что твой отец вместе с семьей уехал в другой ном.

— И ты ему поверил?!

— К несчастью, да.

Тия глубоко вздохнула и с облегчением произнесла:

— И все-таки мы встретились.

Она не могла отвести от него взволнованного взгляда. Детство осталось позади. Мальчик превратился в юношу. Тие было немного жаль своей потери, и она еще не знала, что приобрела. Время преобразило тело Тамита, его глаза смотрели с иным, недетским выражением, но она верила в то, что его душа осталась прежней.

— Ты немного отдохнешь в нашей хижине, а потом я отвезу тебя домой, — сказал он.

Юноша помог девушке подняться на ноги и, бережно поддерживая, повел ее в сторону деревни.

— Как ты здесь очутилась? Что произошло? — участливо спросил Тамит.

И тут пришло то, чего не было много дней: из глаз Тии полились бурные слезы.

— Что произошло? — повторил Тамит, бережно обнимая девушку, мокрую, дрожащую и такую неожиданно хрупкую и прекрасную, какой он не чаял ее увидеть. Он чувствовал биение ее сердца у своей груди, сердца, похожего на испуганно трепещущую птицу. Тие было нелегко говорить, но она поведала правду.

— Харуя тайно встречалась с Хетесом. Он был ее любовником и разболтал об этом своим друзьям. Отец узнал, и Харуя... Харуя лишила себя жизни. Думаю, она сделала это не из боязни наказания, а потому что Хетес ее предал. Если бы она знала, что ждет ее потом! — Тия перевела дыхание и продолжила: — Отец полностью уничтожил все, что от нее осталось, так, как стирают с папируса неверные письма! Сжег ее тело, а пепел развеял над Нилом. Лишил душу Харуи вечного покоя.

Тия говорила, а Тамит гладил ее волосы, сначала несмело, потом все увереннее. Он никогда не прикасался к женщинам, он не ведал их ласки, потому что у него не было ни матери, ни сестер, и он был слишком молод, чтобы жениться.

— Харуя хотела забрать меня к себе, но ты не позволил, — прошептала Тия.

«Я никому тебя не отдам», — хотел сказать Тамит, но не посмел. Кто он такой, чтобы мечтать о девушке, прекрасной, как богиня Исида?[1]

Вскоре Тия увидела людей, среди которых жил друг ее детства, людей, обязанных почти-тельно целовать землю, по которой ступали ноги представителей власти, таких, как ее отец. Небет оказалась права: эти люди не стригли волосы, многие мужчины носили бороды. На них не было иной одежды, кроме набедренной повязки, а кое-кто обходился и без нее. Женщины тоже ходили полураздетыми и выглядели неухоженными, неопрятными. Жители деревни ютились в обмазанных илом папирусных хижинах, местами утопавших в болотистой грязи. На лице девушки отразилось изумление. Заметив это, Тамит спокойно произнес:

— Теперь ты знаешь, как живут «люди болот».

Тия смутилась и ничего не ответила. Она исподволь разглядывала своего спутника. У него была легкая, пружинящая походка и осанка не задавленного жизнью крестьянина, а молодого вождя. Девушка невольно вспомнила легенду о Горе[2], который воспитывался на болотах, в то время как его мать странствовала по миру, разыскивая сундук с телом своего супруга. Гор покинул свое убежище, когда стал мужчиной, а до той поры никто не догадывался о его божественном происхождении.

Молодой человек привел Тию в маленький дворик, в углу которого были свалены мешки, кувшины и какие-то примитивные орудия труда, и пригласил в свой дом, по сравнению с которым любая хозяйственная постройка во дворе писца Анхора казалась дворцом. Тия ожидала увидеть отца юноши, но в хижине было пусто.

— Отец ушел резать папирус, — сказал Тамит. — Он вернется к вечеру.

Юноша усадил гостью на охапку соломы и принес молока. Тия взяла старую глиняную чашку и пригубила. Молоко оказалось прохладным и очень вкусным.

— Ты отвезешь меня на лодке?

— Да.

— Ты хотел показать мне, как вы живете? — помолчав, сказала Тия.

— Не только. Я хочу подарить тебе одну вещь.

Тамит вышел из хижины, вернулся со свертком в руках и присел на корточки. Его янтарные глаза смотрели задумчиво и серьезно, он имел таинственный, вдохновленный вид. Развернул ветхую тряпицу, он с восхищением произнес:

— Смотри!

Девушке почудилось, будто в бедной хижине засияло маленькое солнце. Пектораль была сделана руками искусного мастера, вероятнее всего, в Фивах, и превосходила красотой и изяществом все украшения, какие Тие случалось носить самой и видеть на других людях. Несколько минут она разглядывала пектораль, потом подняла глаза на Тамита.

— Откуда она у тебя?

Он колебался, но ответил:

— Ее нашел мой отец.

— Где?

— На берегу, в тростнике.

— Как ты думаешь, чья она?

— Не знаю. Полагаю, теперь моя. То есть твоя.

— Почему ты хочешь отдать пектораль мне?

Тамит пожал плечами.

— Такие люди, как я, не носят золота. А еще мне хочется, чтобы у тебя осталась вещь, которая напоминала бы обо мне. У меня нет ничего ценного, кроме этой пекторали.

— Ты мог бы продать украшение и получить много денег, — заметила Тия.

— Зачем мне деньги? О деньгах думают богатые люди. А у таких, как мы, есть все, что нам нужно: земля, вода, воздух и солнце. Мне кажется, было бы кощунственно продавать такую вещь. К тому же, кто поверит, что я ее не украл!

— Тогда я ее возьму, — сказала Тия.

Тамит дотронулся до ладони подруги детства.

— Только никому не показывай и не рассказывай! Обещаешь?

— Обещаю.

— Сохрани ожерелье как залог нашей дружбы.

Тия кивнула.

— Хорошо.

— А теперь нам пора, — с сожалением произнес Тамит.

Он подал ей руку, и Тия встала. Неожиданно она поняла, что не хочет возвращаться домой. С некоторых пор семья перестала быть садом, в котором она росла как прекрасный и нежный цветок. Теперь Тие казалось, будто ее окружают невидимые колючие шипы. И все потому, что она узнала своих родных с другой, ужасающей стороны. Чего стоило непоколебимое спокойствие отца, нескрываемая радость Небет, когда пепел Харуи разлетелся над Нилом!

Нарушать правила своей среды — все равно, что идти по канату над пропастью: один неверный шаг — и ты навсегда исчезнешь из памяти тех, кто совсем недавно берег тебя и любил. Наверное, Тамит был куда счастливее со своим отцом, чем она среди своих родных. Юноша помог девушке забраться в лодку и легко оттолкнул судно от берега. Кругом простирался голубой Нил, над головой нависало необъятное небо, в центре которого победоносно сияло солнце. Тия долго молчала, глядя на сверкающую воду, потом призналась:

— Мне плохо дома.

— Понимаю. Но ты должна вернуться, — сказал Тамит и добавил: — Я приеду к тебе.

Тия подняла глаза, и встретила теплую, ободряющую улыбку.

— Правда, приедешь?

— Да.

— Мы будем встречаться... как прежде? Ты этого хочешь?

— Конечно! — пылко произнес Тамит. — Я не могу думать ни о чем другом! Мы обязательно увидимся. Если это не опасно... для тебя.

— Они ничего не заподозрят. Они думают, что я гуляю одна.

Тия сделала ударение на слове «они» и сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Ты обещала научить меня читать и писать, но не успела, — напомнил Тамит.

— Обязательно научу. Отныне мы будем хитрее! Им не удастся нас выследить. Я могу обратиться за помощью к Эте. Надеюсь, она нас не выдаст, так, как это некогда сделал Хетес.

— Я убью этого человека, если когда-нибудь встречу, — пообещал Тамит.

Тия брезгливо поморщилась.

— Давай не будем о нем вспоминать! Лучше расскажи, как ты жил все это время.

— Хорошо, — улыбнулся Тамит. — Таким людям, как мы, Нил дает все, что хочет и может дать.

— Как вы? — медленно повторила Тия. — Думаешь, я и ты сильно отличаемся друг от друга?

Задав вопрос, она резко привстала в лодке, отчего та чуть покачнулась, и посмотрела юноше в глаза.

— Нет, — ответил Тамит, чувствуя, как от волнения пересохло в горле, — я так не думаю. Не думаю с тех времен, когда мы вместе играли.

— Я часто вспоминала о наших играх.

— Теперь мы слишком большие для этого, — промолвил Тамит с неловкой улыбкой.

— Правда, жаль?

— Да.

— Мы придумаем что-нибудь новое, — заметила Тия.

— Ты уверена?

— Конечно.

Они продолжали смотреть друг на друга. В эти мгновения Тамит и Тия сполна ощутили, как они молоды, какие яркие чувства способны испытывать, сколько прекрасного может подарить им жизнь.

[1] Исида — одна из главных богинь Древнего Египта, покровительница материнства, плодородия, жизни и здоровья.

[2] Гор — древнеегипетский бог Солнца, сын Осириса и Исида, изображался в виде сокола или человека с головой сокола. Став взрослым, отомстил убийце своего отца, богу Сету.

Глава двенадцатая

Вскоре родители Тии заметили, что дочери стало гораздо лучше. К ней вернулся аппетит, ее глаза блестели, иногда она даже смеялась. Дочь писца по-прежнему уходила на берег Нила, где тайком встречалась с Тамитом. Юноша загонял лодку в тростниковые заросли и терпеливо ждал девушку, которая украдкой пробиралась к условленному месту. Они уплывали далеко от Эффе и высаживались на безлюдной отмели.

Тия брала с собой еду, а также принадлежности для письма, которые стащила у отца. Они с Тамитом усаживались на землю, и она начинала урок. У юноши была превосходная память, он с жадностью впитывал знания, как пересохшая земля впитывает воду разлившегося Нила. До недавнего времени начертанные на папирусе знаки казались Тамиту ничего не значащими, мертвыми. Теперь они ожили, превратились в слова — те, что горят на устах или выют гнездо в сердце. Хотя занятия с Тией казались не менее увлекательными и волнующими, чем беседы, он радовался, когда она наконец откладывала папирус. Тогда Тамит видел перед собой не причудливые письмена, а манящие глаза девушки.

Тия разворачивала захваченные из дома припасы — хлеб, пироги, жареное мясо или рыбу, овощи и фрукты, сладости, — разливала пиво, и они с Тамитом ели и пили, смеясь и подмигивая друг другу, как два заговорщика. Утолив голод, ложились рядом в тени какого-нибудь дерева, смотрели сквозь его ветви в подернутое знойным маревом небо и болтали обо всем на свете. Несмотря на тайное влечение, которое они испытывали друг к другу, им не приходило в голову заняться любовными играми.

Когда Тия однажды коснулась своим плечом плеча Тамита, ее поразило, какая горячая, бархатистая у него кожа. Девушка не помнила, чтобы ее волновало чье-то прикосновение, а сейчас тело будто пронзила молния, его охватил невидимый пожар. Тия украдкой взглянула на Тамита, и ее лицо залила краска.

Вскоре Тия заметила, что думает о нем с каким-то новым, мучительным, тревожным и вместе с тем сладостным чувством. Когда она видела, как Тамит выходит из зарослей ей навстречу, смотрела на его длинные стройные ноги и красивое загорелое тело, ей хотелось кричать от радости, но она старалась скрывать свои чувства, потому что не знала, что чувствует он. Возможно, ему не приходило в голову, что его может полюбить дочь писца. Быть может, он полагал, что их связывает только давняя дружба?

Тем временем писец Анхор неожиданно встретил на пристани человека, благодаря которому его жизнь должна была закончиться не в царственных Фивах, а в захолустном городке. Анхор, как обычно, что-то подсчитывал и записывал, как вдруг увидел мужчину лет тридцати, с темными миндалевидными глазами и благородными чертами лица, который шествовал ему навстречу. На нем была белоснежная льняная юбка с изящными тонкими складками, а пояс скреплялся сверкающей металлической застежкой. Шею украшал массивный золотой воротник. Мелкие завитки короткого песочно-желтого парика напоминали черепицу. За господином следовал слуга, который держал над его головой папирусный зонтик.

Узнав мужчину, Анхор застыл, забыв о своем помощнике, который продолжал задавать какие-то вопросы. Писец был так поражен, что с трудом сумел разомкнуть пересохшие губы.

— Мериб! Архитектор Мериб!

Тот обернулся, удивленный, что в этой глуши кто-то может его знать. Он не сразу понял, что перед ним Анхор, ибо тот выглядел осунувшимся, постаревшим, вдобавок его лицо лоснилось от пота, а парик съехал набок. Мериб никогда не задумывался о том, куда исчез писец, и не терзался угрызениями совести. Теперь ему было неприятно видеть, как тот стоит, тяжело дыша, и смотрит с тоской и надеждой, будто брошенный пес. Архитектор невольно поморщился и отрывисто произнес:

— Анхор? Так ты здесь? В этом городке? Как он называется?

— Эффе. — Писец беспомощно заморгал. — А ты... господин?

— Я, как и прежде, живу в Фивах, — жестко ответил Мериб и пояснил: — Мне пришлось отправиться в путешествие, чтобы выбрать камень для одной из гробниц. Джедхор заболел, а на остальных нельзя положиться.

— Что случилось с твоим помощником? — с притворным участием поинтересовался Анхор.

— Ничего серьезного. Небольшая лихорадка.

Писец кивнул.

— Ты только что прибыл, господин? Или уже уезжаешь?

Мериб невольно смягчился.

— Я как раз искал, где бы остановиться, чтобы немного перевести дух, — сказал он и посмотрел Анхору в глаза.

— Почту за честь окружить тебя заботой, — смиренно произнес писец.

Мериб усмехнулся. Он видел, что Анхор не держит на него зла.

— Ладно, идем. Я устал от жары и хочу пить.

Анхор поручил помощнику закончить работу и повел архитектора по пыльной улице.

— Городок не так уж плох, — заметил Мериб, с любопытством оглядываясь вокруг. — Ты старательный и умный человек, Анхор, и наверняка заслужил уважение его жителей. Почему у тебя столь удрученный вид?

Он говорил равнодушно, почти небрежно, держался как ни в чем не бывало, и писец почувствовал обиду на человека, который лишил его возможности дожить свой век в Фивах, а теперь вел себя так, будто ему, Анхору, посчастливилось получить хорошее назначение. Но писец впрямь был умен, поэтому не подал виду и сказал:

— Да, я доволен судьбой. Просто недавно я был оскорблен, и не кем-нибудь, а своей наложницей. Эта женщина посмела мне изменить, а когда до моих ушей дошла правда, покончила с собой.

Мериб беззлобно рассмеялся.

— Теперь понимаю. Бедный Анхор! Я всегда знал, что женщинам нельзя доверять. Недаром я все еще не женат. И едва ли когда-то женюсь.

— Ты всегда пользовался успехом у женщин! — льстиво заметил писец.

У красивого и богатого Мериба было много любовниц. Он щедро платил женщинам, но всегда старался уклониться от каких-либо обязательств. Архитектор улыбнулся, показав превосходные зубы, однако его глаза оставались холодными.

— Они мне смертельно надоели. Кругом одна ложь и корысть. Случай с твоей наложницей подтверждает, что все женщины одинаковы.

— Моя жена Небет другая. И дочь тоже, — осторожно произнес Анхор.

— Дочь? — удивился Мериб. — Мне казалось, у тебя одни сыновья.

— Тия — старший ребенок в семье.

— Сколько ей?

— Шестнадцать.

— Как и моей сестре.

Анхор помнил сестру Мериба, Анок, избалованную заносчивую девчонку.

— Как она поживает?

— По обыкновению никого не слушает и делает что хочет, — усмехнулся мужчина.

— Ты благородный человек: воспитал сестру и заменил ей родителей! — поспешил встать Анхор.

Ему было известно, что мать Мериба умерла, рожая Анок, а их отец погиб, когда девочке было всего пять лет.

— Я ничего не делал! — отмахнулся Мериб. — Только покупал ей все, что бы ей ни вздумалось попросить, лишь бы она отстала от меня. Анок росла сама по себе, если не считать заботы служанок. Теперь ее пора выдавать замуж, но она отказывает всем, кто за нее сватается. Этот некрасив, тот глуп... Кажется, я скоро потеряю терпение!

Анхор сочувственно кивнул. Он был рад тому, что между ним и Мерибом завязался непосредственный, даже доверительный разговор.

— Твоя дочь столь же разборчива? — поинтересовался архитектор.

— Не знаю. У меня не было времени всерьез задуматься о ее дальнейшей судьбе.

— Она красива? — с любопытством спросил Мериб.

В глазах писца промелькнул тайный блеск.

— Ты сможешь ее увидеть.

Анхор привел гостя в дом, усадил в большое резное кресло в главной комнате, приказал служанке принести воду для омовения и велел жене подать угощение. Небет, будучи умной женщиной, смогла правильно оценить возможности, которые сулила эта встреча. Она вошла, поздоровалась, произнесла несколько почтительных фраз и представила Мерибу своего сына и сыновей Харуи. Затем принесли еду, и Анхор предложил гостю попробовать вино.

— Здесь воистину божественное солнце, в Фивах я не пробовал такого вина! — заметил он с видимым простодушием и широко улыбнулся.

— Да, вино превосходное, — согласился архитектор, сделав глоток. — Буду признателен, если ты дашь мне с собой кувшин или два.

— С удовольствием. На сборе винограда была занята вся наша семья: он сорван руками моей жены и дочери.

Мериб откинулся на спинку кресла и слегка приподнял брови.

— Кстати, где она? Ты обещал нас познакомить.

Анхор, который только и ждал этой фразы, кивнул Небет.

— Позови Тию.

Девушка тихо вошла и остановилась поодаль. Случалось, ее приглашали к гостям, но сейчас Тия заметила непривычную суетливость матери и насторожилась. Кто этот человек и что ему нужно в их доме? Увидев дочь писца, Мериб наклонился вперед и уставился на нее с видом ценителя красивых женщин и дорогих вещей. На фоне пестрых ковров, разноцветных циновок и покрытых яркими рисунками стен лицо Тии выглядело странно сосредоточенным, даже суровым.

— Подойди ближе, — промолвил Анхор, обращаясь к дочери. В его голосе были и ласка, и твердость. — Наш гость хочет познакомиться с тобой!

Девушка вежливо поклонилась, но не произнесла ни слова.

— Какие необычные глаза у твоей дочери! Она умеет говорить? — развязно произнес Мериб.

— И даже читать и писать, — с готовностью ответил писец. — Она обучена всему, что должна уметь девушка из хорошей семьи.

Мериб поднялся с кресла.

— Благодарю за угощение, Анхор! Твоя дочь может показать мне сад?

Тие не хотелось оставаться наедине с гостем, но отец смотрел выжидающе и настороженно. Чего доброго, разозлится, запрет ее в доме, и тогда она не сможет видаться с Тамитом!

— Ты всегда такая молчаливая? — поинтересовался архитектор, когда они с Тией шли по дорожке сада.

Она пожала плечами.

— Я не знаю, о чем говорить.

— О чем хочешь! Молчат мумии, для которых я строю дома, живая женщина должна веселиться, смеяться, болтать!

Похоже, ей не удастся быстро отделаться от этого человека. К счастью, корабль, на котором он приплыл в Эффе, не будет стоять у причала вечно.

— Вы живете в Фивах? — спросила Тия для того, чтобы что-то сказать.

— Да. Ты помнишь столицу?

Она пожала плечами.

— Смутно. Теперь я считаю своей родиной Эффе.

— Открою тебе секрет: родина женщины там, где живет мужчина, который сможет ее покорить. Я прав?

Мериб снисходительно улыбнулся, и ей была неприятна эта улыбка. Тие не нравилась его самонадеянность, и она предпочла промолчать.

— Тебе столько же лет, сколько моей сестре. Надеюсь, ты интересуешься не только одеждой и украшениями, как Анок, — заметил мужчина и спросил: — Ты бы хотела вернуться в Фивы?

Тия не размышляла ни секунды.

— Нет. Мне хорошо здесь.

Мериб кивнул.

— Ты права. Маленький городок, чистая вода, яркое солнце, прямодушные люди. А что такое столица? Город царственных мертвецов! — И предложил: — Становится жарко. Посидим в беседке?

Тия решительно покачала головой. Она не заходила в беседку с того самого времени, как обнаружила в ней повесившуюся Харую.

— Почему ты не хочешь? В беседке прохладно.

Лицо и голос Мериба сделались жесткими. По-видимому, он не привык, чтобы ему отказывали даже в мелочах.

— Я хочу. Но не могу, — выдавила Тия.

К ее удивлению, Мериб оказался проникательным человеком.

— Я слышал, недавно в вашем доме произошла трагедия. Наложница твоего отца покончила с собой.

Тия тяжело вздохнула.

— Да. Это случилось именно там, в беседке. Потом ее тело сожгли, а прах развеяли над Нилом. Отец лишил Харую возможности войти в Небесные врата.

На лице Мериба появилось смешанное выражение презрения, горечи и цинизма.

— Не вини отца. И не переживай. На самом деле все это не имеет значения. Там, после смерти, ничего нет. Ни богов, ни подземного, ни небесного царства. Все, что имеет ценность и смысл, мы получим или не получим только здесь, в этом мире.

— Откуда вы знаете? — прошептала девушка. Слова Мериба породили в ее душе смятение и страх.

— Я видел много мертвых тел и никогда не имел доказательств того, что существуют души. Ты можешь мне не верить, но жизнь бывает только одна. Поэтому надо брать от нее все, что возможно взять.

— Так живут в Фивах? — Тия не удержалась от усмешки.

— В Фивах и в других городах. Единственное, о чем мечтает большинство людей, — это хорошо существовать при жизни и не менее роскошно жить после смерти.

Тия подумала о Тамите, о взгляде его янтарных глаз, не менее чистом и драгоценном, чем золото, и сказала:

— Мне кажется, не все мечтают только о деньгах.

— Не все, — согласился Мериб. — Я, например, хотел стать художником.

— Почему же вы сделали архитектором? Наверняка потому, что это занятие приносит больше выгоды!

— Мой отец хотел, чтобы я перенял его ремесло.

— Он тоже строил гробницы?

— Да. Когда он погиб, я решил исполнить его волю и сделаться зодчим. Ты права. Едва ли можно стать хорошим художником в мире, где правят деньги и слишком часто произносится слово «должен».

— Погиб? — повторила Тия.

Мериб нахмурился.

— Моего отца завалило камнями на стройке. Я до сих пор не знаю, как это могло произойти. Мне кажется, кто-то позавидовал его таланту. К тому же это был крупный государственный заказ — многие желали за него взяться. Вот почему я отказался от возможности служить фараону и строю частные гробницы.

— Каждый человек, независимо от того, что он делает, служит фараону, — заметила Тия.

Губы Мериба скривились в усмешке.

— Цари — не боги, их желания похожи на желания других людей, они, как и все, стареют и умирают. Совершают те же поступки, что и простые смертные. Я считаю, что человек должен служить самому себе, и никому другому.

— Мы должны служить тем, кого любим, — убежденно произнесла девушка.

Мужчина внимательно посмотрел на нее и улыбнулся.

— Ты в кого-нибудь влюблена?

Тия смутилась и покраснела. Она вовсе не собиралась с ним откровенничать!

— Я — нет, но ведь любовь существует!

Мериб усмехнулся.

— Я рад, что ты так считаешь, хотя сам не верю в любовь. К несчастью, я слишком много времени провел среди женщин, которые думают только о деньгах. Впрочем, если б они думали о любви, это было бы еще хуже!

Когда они вернулись в дом, Тия поспешно удалилась к себе. Она слышала, как отец спросил гостя:

— Что ты можешь сказать о нашем божественном фараоне? Он здоров?

— Что ему сделается! — рассмеялся Мериб и заметил: — Я доволен его правлением. Он любит воевать и любит строить. Много мертвецов и неумная страсть живых к роскоши — что может быть лучше для моего ремесла!

После того, как гость уехал, в комнату Тии вошла мать.

— Ты понравилась архитектору, — сообщила Небет с довольной улыбкой. — Он хвалил твой ум, воспитанность и красоту. Он обещал заехать к нам на обратном пути, а еще сказал, что подумает о том, как помочь Тимесу. Анхор мечтает, чтобы твой брат поступил в школу писцов при храме Амона в Фивах.

— Ради этого отец пресмыкался перед архитектором Мерибом! Позволял ему разглядывать меня так, как будто я вещь! — не выдержала Тия.

— Как ты смеешь такое говорить! Не пресмыкался, а оказывал должное почтение! — возмутилась Небет. — Едва ли твой отец сможет вернуться в Фивы, но он желает, чтобы судьба его детей сложилась иначе.

— Как? Про Тимеса ты сказала. А моя?

— Анхор мечтает удачно выдать тебя замуж.

— За кого? За архитектора Мериба? — вырвалось у Тии.

Небет печально вздохнула.

— Этот человек никогда не женится на дочери провинциального писца.

— Откуда они знакомы?

— Когда мы жили в Фивах, твой отец работал у архитектора.

Тия насторожилась.

— А что случилось потом?

— Не знаю, — быстро произнесла Небет и перевела разговор на другую тему: — Анхор считает, что тебе пора вернуться к обычной жизни. Отцу кажется, что ты давно выздоровела, но продолжаешь притворяться больной. Ему не все равно, что станут говорить люди.

— У них нет повода злословить обо мне.

— Надеюсь, что так, — коротко произнесла мать.

После разговора с гостем Тия долго не могла заснуть. Ее душа оказалась беззащитной перед той неизвестностью, какую открыл перед ней архитектор Мериб. Прежде все было ясно и просто: надо сохранить тело умершего и заботиться о его гробнице. Человек, не совершивший преступных деяний, будет вечно гулять по прекрасным полям загробного мира. А что теперь? Неужели за гранью жизни — только вечная тьма? А мумии — бездушные, безмолвные и безглазые трупы, заключенные в саван? И фараон — не бог, а всего лишь самонадеянный хитрец, возомнивший себя всевышним?

Глава тринадцатая

Утром Тия поспешила на встречу с Тамитом. Она шла привычной дорогой, и с небес обрушивался водопад ослепительного света. Тие чудилось, будто она находится в самом центре божественного потока, способного влить в ее тело и душу волшебные силы. Она купалась в его лучах, как в золотом океане. Не существует ни богов, ни чудес, ни вечной жизни, ни любви? Тие хотелось смеяться над Мерибом — в этот миг он представлялся ей несчастным и жалким. Она чувствовала, как освобождается от страхов и сомнений бессонной ночи. Боги улыбались, глядя на нее с небес. Счастье казалось слишком глубоким, чтобы его можно было выразить словами. Любовь ярким пламенем пылала в сердце и не желала гаснуть. И земное существование представлялось чудом.

Тамита еще не было, и Тия принялась ждать. Внезапно она подумала о том, что ее будущее в этом мире так же непредсказуемо, как и судьба за гранью земного существования. Девушка смотрела на растущие по берегам кучки деревьев, легкие папирусные лодки, что качались на водах Нила, на накаленные солнцем дома, которые, казалось, были покрыты золотистой пылью, на белых птиц, рассекавших безоблачное небо, и понимала, что не хочет покидать этот город. Тия желала, чтобы долгие-долгие годы все оставалось таким, каким было сейчас: и природа, и люди, и Тамит, и она сама. Хотя и знала, что это невозможно.

Он появился внезапно, возник из знойного марева, из зарослей тростника, из ее мечты. Высокий и стройный юноша стоял в узкой лодке. В его глазах плескался золотой свет. В эти мгновенья Тамит напоминал Тие бога солнца Ра, который каждое утро купался в первозданном небесном океане. Он помахал рукой, ступил в воду, привязал лодку и, сделав несколько легких прыжков, очутился рядом с Тией.

— Давно ждешь?

«Я жду тебя всегда», — хотела сказать Тия, но ответила:

— Не очень.

— Прости, я не мог приехать вовремя, хотя торопился.

— Главное, что ты все-таки приехал.

— Почему ты не взяла с собой принадлежности для письма? — с улыбкой произнес юноша.

Тия смотрела на него пристальным, замороженным взглядом.

— Я не могу научить большему, чему способна научить жизнь, — ответила она, и он почувствовал ее затаенное отчаяние.

— Что случилось?

— Отец вот-вот запретит мне приходить на берег.

— Он знает о нас? — спросил Тамит.

— Пока нет.

Он помрачнел и сжал кулаки. Почему простое человеческое счастье всегда такое хрупкое, трепетное, тревожное, отчего норовит исчезнуть, будто вода в песке, раствориться, словно туман на рассвете нового дня?!

— Я хочу, чтобы мы продолжали встречаться.

— Я тоже, — с надеждой промолвила девушка.

— Мы что-нибудь придумаем, — уверенно произнес юноша и взял Тию за руку. — Пойдем.

Тамит повел подругу в заросли. Она доверчиво шла за ним, охваченная желанием никогда не отпускать сильную руку, которая бережно держала ее ладонь. Они устроились в излюбленном месте, где их никто не мог увидеть, и Тия рассказала Тамиту о визите архитектора Мериба.

— Он говорил странные вещи. О том, что после смерти ничего нет, а фараон — не бог.

— Люди, которые постоянно имеют дело с чем-то тленным и доверяют только деньгам, неспособны поверить в то, чего нельзя потрогать, пересчитать. Они не могут смириться с тем, что на суде Осириса им придется отвечать за земные деяния и что вошедший в Небесные врата крестьянин будет равен царю.

— Надеюсь, этот человек не вернется в Эффе.

— Да, но это не помешает твоему отцу осуществить свои планы, — заметил Тамит.

Увидев выражение его лица, в котором сквозила тихая, но негибкая стойкость, Тия осмелилась произнести:

— Мы не можем уехать, сбежать?

— Я думал об этом, однако в округе слишком мало дорог, а твой отец обладает большой властью. Нас неминуемо разыщут и схватят. Ты знаешь, что наказание будет жестоким, и не только для нас с тобой.

Девушка догадалась, что он боится не столько за свою жизнь, сколько опасается за судьбу отца, своих братьев и их семей.

— Что же нам делать? — спросила Тия.

— Не знаю, — признался Тамит и добавил: — Отец всегда утверждал, что боги назначили каждому человеку определенное место, но с тех пор как я познакомился с тобой, мне все время хотелось изменить свою судьбу. Сделать так, чтобы никто не посмел и не смог нас разлучить.

Она затаила дыхание.

— Ты готов отказаться от всего, что составляет твою жизнь, ради того, чтобы быть рядом со мной?

— Да.

— Я тоже, — твердо произнесла Тия.

— Ты отказалась бы от большего, — заметил Тамит.

— От большего? Отец мечтает отдать меня замуж за человека вроде архитектора Мериба!

— А может, не надо ничего менять? Разве ты бы меня полюбила, будь я другим! — вдруг сказал юноша, и лицо Тии залил горячий румянец. — Прости, — добавил он и посмотрел ей в глаза, не отпуская ее руки, — но разве это не любовь?

— Ты прав, — прошептала девушка, неотрывно глядя на него.

— Я тоже тебя люблю. Мне кажется, еще до нашего рождения кто-то божественный и великий предназначил тебя мне, а тебе — меня. Это написано звездами на небе. Мы должны быть вместе, — сказал Тамит.

Тия думала о том, какой разной бывает правда. Иногда она ранит, будто острый нож, а порой напоминает медовый океан, океан в котором хочется плавать, никогда не приставая к берегам. Тамит глубоко вздохнул, будто стараясь привести чувства в порядок, потом коснулся губами обнаженного плеча Тии. Она закрыла глаза. Его дыхание обожгло кожу, но мягкие губы были прохладными, как роса. Юноша осторожно провел пальцами по ее груди. Девушка подумала о том, что не станет противиться, если руки Тамита проникнут под платье и будут гладить ее тело, прикасаться к сокровенным местам. Более того, она хотела, чтобы это случилось.

Однако Тамит отстранился. Тия открыла глаза и смотрела на него так, будто что-то искала в его лице. Ее щеки залил легкий румянец.

— Ты когда-нибудь занимался тем, чем занимались Хетес и Харуя?

Юноша смутился.

— Нет.

— Как думаешь, делать такое — это плохо?

— Не знаю, — прошептал Тамит.

— Ты хотел бы заняться этим со мной?

— Очень! — ответил юноша, и его слова отозвались в теле Тии эхом до боли острых и вместе с тем приятных ощущений.

Она дотронулась до руки Тамита.

— Если так, то тогда...

— Нам нельзя, — быстро перебил он.

— Почему?

— Я никогда не сделаю того, что способно тебе навредить.

— О чем ты?

— Я должен быть уверен в том, что нас не смогут разлучить.

Тия опустила глаза. Она понимала, что Тамит прав, и восхищалась его благородством, благородством нищего и презренного жителя болот, человека, которому писец Анхор никогда не отдаст ее в жены.

Глава четырнадцатая

То, что они обрели любовь, еще не означало, что они обрели свободу, но им было достаточно даже ее тени. Пока отец не возражал против отлучек Тии, и она прибегала на берег так часто, как только могла. Иногда Тамит приплывал на своей лодке, а девушки не было, потому что она не могла вырваться из дома. Случалось, Тия много часов ждала его в зарослях тростника, а потом возвращалась обратно. Такие дни были самыми горькими днями в их жизни. Они по-прежнему говорили обо всем на свете, только теперь смотрели друг на друга другими глазами. Что бы ни делал юноша — плел ли веревки из волокон папируса или ловил рыбу, — в его сердце жило страстное желание быть рядом с Тией. Тамит знал, что она без оглядки доверилась бы ему, но он никогда не переходил определенных границ, и отношения влюбленных не шли дальше осторожных прикосновений и целомудренных ласк.

Как истинные египтяне, они не привыкли стыдиться наготы и часто купались вместе. Они входили в прохладную воду, держась за руки, весело плескались, глядя, как по реке разбегаются круги, уходили в прозрачную глубину и выныривали с громким восторженным смехом. Выбравшись на берег, ложились рядом и смотрели в небо, на Нил, друг на друга.

Однажды Тия обратила внимание на руки Тамита: его ладони огрубели от работы, но кисти были узкими и изящными, пальцы тонкими и длинными. «Это тот, о ком я мечтала, кого ждала. Юный бог, спустившийся с небес и принявший облик земного человека», — говорила себе Тия. Постепенно девушка потеряла осторожность. Поглощенная мыслями о желанной встрече, она забывала оглядываться, когда спешила к условленному месту.

Однажды хмурый раб-ливиец вошел к хозяину в неурочное время и, уставившись в пол, сказал:

— Твоя дочь, господин, встречается с каким-то парнем. Вчера они вместе плавали в Ниле.

Анхору показалось, что его ударили. У него вырвалось:

— Без одежды?!

Раб усмехнулся уголком губ и кивнул, не поднимая глаз. Анхор сжал челюсти так, что скрипнули зубы. Над ним смеются даже слуги! Сперва наложница спуталась с чужим женщиной, а теперь и дочь! Чем он провинился перед богами?!

— Ты знаешь этого парня? — спросил хозяин раба.

— Я никогда его не видел. Мне кажется, он не из местных.

— Какого происхождения?

— Не знаю, господин. Выглядит как бедняк...

Анхора задумался. Он вспомнил, как Тия встречалась с мальчишкой, сыном презренного жителя болот. Неужели это он?! Значит, все это время она притворялась, лгала? Когда умерла Харуя, Тия ушла в себя. Ничего не ела, не желала ни с кем разговаривать. Однако постепенно дочь воспрянула духом, на ее щеках появился румянец, она смеялась, болтала и — стремилась улизнуть из дома. Теперь понятно зачем.

— Надо за ней проследить, — сказал Анхор рабу.

На следующий день погода переменилась — в краю безраздельного правления бога Ра такое случалось нечасто. Небо то и дело застилали огромные облака. Они неслись друг за другом, солнечный свет проскальзывал между ними и лился на землю, словно в распахнутое окно. Тия не ждала дождя, она знала, что горячий и сильный ветер быстро разгонит неожиданное ненастье. Девушку насторожило другое — в тревожной игре света и тени ей почудилось предупреждение о грядущем несчастье.

Тия долго ждала Тамита, а его все не было. Она решила, что уйдет лишь с наступлением темноты. Разгорался закат; казалось, что по небу растекается множество красок. На востоке, в

глубокой густой синеве, мерцали первые звезды. По берегу тянулись цепочки городских огней. У ног тихо плескался темный Нил. Тия знала: пора возвращаться домой, иначе ее станут искать. Она встала, расправила платье и смахнула непрошеные слезы. В этот миг тростник зашуршал, и Тия увидела лодку. На миг ей почудилось, что звезды мигнули и погасли, а после зажглись ярче, чем прежде, и Тия почувствовала, как в душу и сердце врывается дикая радость. Когда Тамит ступил на берег, она бросилась вперед и обвила шею юноши горячими руками.

— Я знал, что ты дождешься! — пылко прошептал он, беря ее лицо в ладони и прикасаясь губами к губам.

Время для купания было позднее, поэтому они сели на берегу, чтобы полюбоваться закатом.

— Я говорил с отцом о нас с тобой, — признался Тамит. — Я думал, он ответит, что я потерял разум, но он сказал, чтобы я попытался осуществить нашу мечту. Бежать по суше опасно, нас обязательно схватят. До гаваней Восточного моря[1] можно добраться только через пустыню. Может, лучше уплыть на север? Там нет бухт, и прибрежные течения опасны для наших лодок, но есть шанс встретить иноземный корабль. Жаль, что у нас нет денег!

Тия почувствовала, как за спиной раскрываются невидимые, широкие и сильные крылья, крылья, что понесут ее вдаль, в новую жизнь. Она ощутила запах чужих мест и веяние незнакомого ветра.

— Я могу взять деньги у отца, — не задумываясь, произнесла девушка.

Юноша нахмурился.

— Украсть? Я бы не хотел, чтобы ты это делала.

Тия взяла Тамита за руки и посмотрела ему в глаза.

— Если мы без конца будем думать о том, что нам можно, а что нельзя, то так и останемся сидеть на месте и другие люди сделают с нами все, что захотят.

Он глубоко вздохнул и расправил плечи, словно высвобождаясь от невидимых пут.

— Ты права. Главное — ничего не бояться. Отпустить себя на волю. Ни о чем не жалеть.

— Тогда обними меня! — страстно прошептала она. — Обними и забудь обо всем, что нас разделяет!

Тамит привлек к себе Тию и покрыл ее тело горячими поцелуями. Девушке казалось, что ее кожу лижут языки пламени. Влюбленные разделись и приникли друг к другу, изнывая от желания утолить сладкую боль. Им казалось, что они парят между безумной явью и волшебным забытием. Тамит и Тия страстно ласкали друг друга и уже были готовы переступить запретную грань, как вдруг услышали гневный возглас:

— Как вы посмели!

Тия испуганно открыла глаза. На миг ей почудилось, будто голос прозвучал с небес. Над ней возвышалась фигура писца Анхора. За его спиной стояли два высоких крепких нубийца с палками в руках. Девушка видела, что глаза отца побелели от ярости, а пальцы сжаты в кулаки.

Тамит и Тия поднялись с земли. Девушка схватила платье и прикрыла наготу. Она содрогалась от страха при мысли о том, что будет дальше. Юноша не стал сопротивляться и пытаться бежать, когда нубийцы подошли к нему и, повинаясь приказу Анхора, завели руки Тамита за спину. Сейчас отец Тии действовал как человек, облеченный властью, неповиновение которому могло повлечь за собой жестокое наказание, даже смерть. Анхор приблизился к юноше и замахнулся. Тия зажмурилась. Она думала, что отец ударит Тамита, но ошиблась. Писец был умен и всегда поступал согласно закону. Овладев собой, он отдернул руку и спросил:

— Кто ты такой и как зовут твоего отца?

Тамит ответил.

— Ты, грязный пес, осмелился обесчестить мою дочь! — прошипел Анхор.

Тамит стоял, гордо подняв голову, не отводя взгляда.

— Я не пес. Да, мы встречались тайком, да я ее люблю и мечтаю никогда не расставаться с ней. Но я не сделал ничего такого, что бы могло опозорить имя Ти.

— «Никогда не расставаться»! — передразнил Анхор и добавил: — Может, достать тебе с неба пригоршню звезд?!

Потом повернулся к дочери и, не стесняясь слуг, грубо произнес:

— Чем вы тут занимались? Ты ему отдавалась?!

Лицо Ти залила краска стыда.

— Нет. То, что ты увидел, произошло впервые, случайно... Мы... мы не хотели...

— Тогда зачем ты с ним встречалась?

Тия постаралась взять себя в руки.

— Я учила Тамита читать и писать.

— Зачем грамота полудикому мальчишке, который родился в грязи и в грязи умрет! — бросил писец и обратился к рабам. — Отпустите его, пусть возвращается туда, откуда пришел.

Когда Тия услышала, что отец велит освободить Тамита, ее сердце радостно встрепенулось. Однако Анхор добавил:

— Завтра к твоему отцу, низкородный, придут мои люди, чтобы забрать недостающую часть налога. Довольно отсрочек. Пора расплатиться сполна!

Тамит еле заметно кивнул. Его толкнули в спину, но он не спешил уходить — стоял и смотрел на Тию таким взглядом, будто их разделяли тысячелетия и вместе с тем связывала невидимая, но прочная, как железо, нить.

— Что уставился? Убирайся! Иначе я потеряю терпение и прикажу забить тебя палками до смерти! — в ярости вскричал Анхор.

— Иди, Тамит, — прошептала Тия.

Писец схватил дочь за руку и потащил за собой. Следом шли безмолвные воины. Вечерние небеса и воды великой реки были одинаково гладкими и блестящими, как перламутр: одни — пылью звезд, другие — сверкающей серебром рябью. Луна ярко освещала узкую тропинку, напоминающую след змеи. Тия несколько раз оглядывалась, но берег тонул во мраке, и она не могла разглядеть фигуру Тамита.

— Ты будешь сидеть взаперти до замужества! — гневно проговорил Анхор, втолкнув дочь в калитку, и с трудом перевел дыхание.

— Замужества? За кого ты хочешь меня выдать? — прошептала Тия.

— Пока не знаю, но вижу, что это нужно сделать как можно скорее, иначе ты отдашься первому попавшемуся мужчине! Опозоришь и меня, и мать, и своих братьев!

Тия отшатнулась. Анхор никогда не произносил таких грубых слов. В глазах девушки блеснули слезы.

— Прошу, — умоляюще проговорила она, — не трогай Тамита!

— Он и его отец получают то, что положено по закону, — сухо произнес Анхор. — В который раз я убеждаюсь в том, что служба царю и установленным порядкам более благодарное дело, чем служение собственному сердцу. Я щадил обитателей болот до тех пор, пока один из них едва не отнял у меня дочь!

— Если ты никогда не думал о том, что главное богатство живых — это богатство душ и сердец, значит, ты никого не любил! — прошептала Тия.

Анхор замер. Его лицо казалось вытесанным из гранита, и только губы слегка шевельнулись, и на них будто замерло какое-то слово. Девушка догадалась, что отец думает о Харуе. Она умерла, и от нее не осталось даже праха, но Анхор просчитался: память оказалась сильнее.

— Любовь — кипящая смола, которая льется в открытую рану. Она не приносит ничего, кроме страданий. Любовь — самое коварное чувство, каким могут соблазнять человека его мечты. Она — змея, что прячется под камнем. Счастлив тот, кто ее избежит, — отрывисто произнес он и приказал: — Ступай к себе!

Потянулись долгие дни заточения. Тие не запрещали покидать пределы комнаты, но она не могла выйти за ворота: за ней повсюду следовали неподкупная старая служанка и безмолвный вооруженный раб. Анхор не отвечал на вопросы, и Тия ничего не знала о судьбе Тамита. Девушка попыталась поговорить с Небет, но та держалась отчужденно и холодно.

Между тем к обитателям болот нагрянули неожиданные гости, коих ненавидели и боялись как те, кто имел имущество, так и те, у кого не было ничего. В то утро Тамит проснулся, едва на востоке встрепенулась прозрачная и нежная, как крылья стрекозы, заря. Во тьме начали проступать очертания тростниковых зарослей, какая-то птица завела тревожную песнь. Что делает Тия? Мучается, плачет, вспоминает о нем? Что он может и должен сделать для того, чтобы они снова встретились?

Молодой человек подумал об огромной, незримой пирамиде, возвышавшейся над ним, над писцом Анхором, над девушкой, — пирамиде власти, обычаев, догм. Тамит знал: чтобы получить Тию, ему придется сразиться не с ее отцом и не с вооруженными палками нубийцами, а со своей судьбой. Мир был велик и вместе с тем имел жесткие границы, раздвинуть которые живому человеку не проще, чем мумии разорвать свои вечные пути.

Юноша вышел на берег и принялся наблюдать за пробуждением дня. Воздух быстро светлел, и был недалек миг, когда из-за горизонта покажется краешек солнца. Тамит ожидал утреннего приветствия бога с легкой улыбкой на губах. Его Шеду, его отец, всегда говорил: «Если мрачный дракон, что прячется по ту сторону небес, выпустил солнце из плена и день начался, значит, все будет хорошо».

Тамит был готов принять первый солнечный луч как обещание богов, как залог грядущего счастья, когда вдруг из зарослей выплыла лодка и горизонт заслонили темные силуэты человеческих фигур. Юноша все понял. Он стоял и смотрел на неожиданных гостей, пристающих к берегу. Это был не Анхор, а его помощник Нефру, а с ним пятеро воинов. Тамит наблюдал за тем, как посланник отца Тии выбирается из лодки, стараясь не намочить длинное белое одеяние и сандалии из мягкой кожи. Это был низенький суетливый человек, который испуганно прятал глаза от высокородных и безжалостно пронзал взглядом феллахов[2].

Ступив на берег, Нефру произнес то, что Тамит ожидал услышать:

— Мне нужен человек по имени Шеду. Позови его!

— Зачем он вам?

Помощник Анхора нахмурился.

— Не смей задавать мне вопросы, простолюдин! Делай, что тебе говорят!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.